

Закон бандита

Автор:

Дмитрий Силлов

Закон бандита

Дмитрий Олегович Силлов

Апокалипсис-СТСнайпер

Ты можешь жить по своим правилам, иметь личный моральный кодекс, бороться с нечистью, варварством и предательством...

Но у Зоны свои законы.

И вот случилось так, что она поставила Снайпера перед выбором, где на одной чаше весов оказалась жизнь его друзей, а на другой – все то, ради чего он жил до сих пор.

То, что считал своим Предназначением.

Бандиты – одна из самых влиятельных и самых презираемых группировок Зоны. Но для того, чтобы вернуть к жизни своих друзей, Снайперу необходимо вступить в эту группировку, дать Клятву бандита и отказаться от всех своих принципов, которыми он руководствовался на пути Меченосца.

Но что не сделаешь ради тех, кто отдал жизнь за тебя!

Главное только, чтобы все это было не зря...

Дмитрий Силлов

Закон Бандита

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ,

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Розенфельда, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov> за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Ранним утром по тихим улицам Киева ехал автозак – специальный крытый фургон для перевозки арестантов, с виду напоминающий хлебовозку. Внутри машины на длинных деревянных лавочках сидели три человека, один из которых, отличавшийся широченными плечами, был в наручниках. За металлической сеткой у выхода развалился на сиденье ленивый и скучный представитель власти, безразлично наблюдавший за подопечными. На его коленях лежал тупорылый автомат АКС74У, ствол которого был красноречиво

направлен в сторону заключенных.

- На Лукьяновку везут, - со знанием дела сообщил один из арестантов, хлипкий с виду и юркий, как горностай.

- Ну ты прям Америку открыл, - блеснув стальными зубами, хмыкнул второй - тот, что был в наручниках.

Третий арестант поднял голову и посмотрел на соседей по автозаку так, словно видел их впервые.

- Лукьяновка - это что? - спросил он.

Юркий заржал в голос, широкоплечий лишь усмехнулся.

- Ты откуда свалился, фраерок? - поинтересовался он. - С неба или с крыши упал, черепушкой приложившись?

Парень сжал кулаки со сбитыми в кровь костяшками. Ссадины были свежими, едва затянувшимися кровавой коркой.

- Ладно, ладно, не кипешуй, поясню, - отсмеявшись, произнес юркий. - СИЗО это. Следственный изолятор. Тюрьма то есть. Пока следаки тебе будут кишки на авторучки мотать, в хате попаришься...

- Метлу поправь, Пескарь, - одернул его сосед. - Не видишь, первоход.

- А, ну да, - осекся тот, кого называли Пескарем. - То есть в камере посидишь.

Парень нахмурился.

- А «первоход» - это кто?

Пескарь ослабился.

– Не прими в ущерб, то не парафинка, а обозначалово. Первоход – это тот, кто по первости в тюрягу загремел, попал на первую ходку.

– Ясно, – кивнул парень. – И долго в камере сидеть?

– Может, пару месяцев, а может, и пару лет, – пожал плечами Пескарь. – Тебя за что замели-то?

Парень вздохнул.

– Да дембельнулся я. Друзей позвал, столики заказали в ресторане, пошли отмечать. А там какому-то уроду не понравилось, что мы шумим, хотя и не шумели мы особо. Он с друзьями был, предложил выйти. Ну, мы вышли. Их больше было, один цепь из кармана достал, второй нож, третий телескопическую дубинку. Понятно, к чему дело шло. Ну, я ждать не стал, пока нас крошить начнут, их главному врезал пару раз. Он рухнул. Видимо, кто-то из ресторана сразу милицию вызвал, когда мы вышли, потому что тут же сирены завывали неподалеку. Товарищи упавшего, видя такое дело, попрыгали в машины и разъехались. А тот, кого я приложил, не встал. Убил я его, короче. Ну и вот.

Арестанты переглянулись.

– По ходу, это тот боец, что Леву Анкару завалил, – сказал здоровяк. – Братва решила не палиться около жмура и сорвалась на всякий пожарный. Короче, тухлое твое дело, парень. Анкара был правой рукой Седого, который половину Киева держит. По ходу, не доедешь ты до зоны. В СИЗО тебя и завалят. Или если вертухай в одиночку определяют, то на пересылке замочат.

– Бокорез дело говорит, – кивнул Пескарь. – Звать-то тебя как?

– Анатолием, – отозвался парень.

– Ну, значит, быть тебе Толей Нокаутом, – хмыкнул Бокорез. – Так-то ты прав чисто по-человечески, но по понятиям за кровь придется ответить. Кодла Седого тебя из под земли достанет, я их знаю. Так что удачи тебе.

– Спасибо, – буркнул Анатолий, не особо обрадовавшийся услышанному.

– Там, куда ты едешь, говорят «благодарю», – поправил его Пескарь. – Привыкай.

Анатолий скрипнул зубами.

Он не хотел привыкать к другой речи, к вонючей автозаке, к автоматному стволу, направленному ему в живот. Дома его ждали мать и любимая девушка, которым, как сказал адвокат, придется ждать его еще очень-очень долго. А может, и не дожидаться вовсе – похоже, эти двое знали, о чем говорили, и на свой манер ему сочувствовали.

Правда, недолго.

Теперь они переговаривались полупрошепотом. Пескарь что-то негромко втолковывал Бокорезу, а тот внимательно слушал. Анатолий лишь улавливал обрывки фраз: «перо в нычке заряжено», «решка пиленая», «рывок через два поворота», «Катар будет ждать на свалке» – из которых ничего не понял. Да и, если честно, не стремился понять. Своих забот-размышлений хватало.

Насчет того, что не потянет мать адвоката. На этого последние деньги отдала, а он уже намекает, мол, надо добавить. Да и какой адвокат тут поможет, если убит ближайший соратник лидера местной преступной группировки? Получается, если повезет, то придется отсидеть несколько лет. Но, скорее всего, арестанты правы. Убьют его...

Эх, обидно-то как! В армии мечтал вернуться домой, на работу устроиться, жениться... Все в одно мгновение пошло прахом. Ну, что ж, остается только одно – дорого продать свою жизнь. Спасибо этим двоим, что предупредили. Когда начнут убивать, придется действовать как учили в разведроту – давить глаза, рубить ребром ладони по трахеям, бить ногами в пах, а кулаками в виски, чувствуя, как хрустят под сбитыми костяшками хрупкие кости...

От невеселых раздумий его отвлек голос Бокореза:

– Слышь, начальник, мне тут кореш прогнал, что ты сигамаи торгуешь.

Автоматчик за решеткой посмотрел на арестанта глазами равнодушными, как у тухлой трески.

– Ага. Пятьсот гривен пачка, пятьдесят штука.

Бокорез выпучил глаза.

– Беспредел, командир! Скинь хоть сотку.

– Не хочешь – не бери, – пожал плечами автоматчик.

– Ладно, ладно, банкуй, – расплылся в улыбке плечистый уголовник, в руке которого словно из ниоткуда появились несколько мятых банкнот.

– Мля, и как вы это делаете? – хмыкнул милиционер. – Шмонали ж перед выездом. Ну, иди сюда, только без глупостей.

Отложив оружие, охранник вытащил из кармана пачку «Мальборо».

– Сколько возьмешь?

– О, верю, правильный начальник, – расплылся в добродушной улыбке Бокорез, подходя к решетке. – Годными сигами барыжит...

В следующее мгновение Анатолий даже не понял, что произошло. Звякнул металл, выломанный небольшой кусок решетки ударился об пол, сверкнуло что-то, вроде как из рукава Бокореза – и охранник, из глазницы которого торчала обмотанная черной изолентой рукоять, начал медленно заваливаться назад.

Но упасть у него не получилось. Бокорез крепко держал автоматчика за ворот, а Пескарь, просунув тонкие руки через решетку, уже завладел ключами, висящими на поясе милиционера. А на пол медленно, кружась, словно осенние листья, все еще падали, падали, падали смятые денежные купюры, на одной из которых крупным рубином поблескивала капля свежей крови...

Все эта картина очень четко отпечаталась в голове Анатолия, словно сцена из замедленного фильма...

А потом время обрело свой обычный ход. Пескарь отомкнул решетку, следом на пол рядом с мертвым телом милиционера упали наручники, сковывавшие

запястья Бокореза. Бандит наклонился, выдернул заточку из головы трупа и аккуратно вытер узкое лезвие об волосы мертвеца.

- Че об пакли-то? - хохотнул Пескарь, который уже обшаривал карманы убитого.

- Мне его манатки еще сгодятся, - сказал Бокорез, расстегивая пиджак автоматчика.

- Ты чего, братуха? - опешил Пескарь. - Зашквар же!

- Ты базар-то фильтруй, - хмыкнул бандит. - Не зашквар, а босяцкая хитрость. Вкурил?

- Ну, типа... - протянул Пескарь.

Анатолий смотрел как Бокорез переодевается в униформу убитого, а в голове его метались заполoshные мысли. Хоть и не был он великим специалистом в юридических вопросах, но уже и так понятно: теперь он не просто человек, убивший по неосторожности того, кто намеревался напасть на него. С этого момента он соучастник убийства представителя власти, и доказать обратное вряд ли получится.

- Ну чо, Нокаут, ты с нами или где? - подмигнул ему Пескарь.

- Не знаю, - честно ответил Анатолий.

- Не знает он, - хмыкнул Бокорез, примеряя ботинки убитого. - Твоя мокруха, плюс побег, плюс три заваленных мента... Эх, гады, малы, не лезут. Короче, думай. Если не с нами, то в лучшем случае в Темновку, на пожизненное. Но, скорее всего, к кодле Седого на перо.

- Троиx? - переспросил Анатолий, не совсем поняв, о чем это говорит Бокорез.

- Ага, - просто ответил тот, закончив с переодеванием. После чего прикладом автомата стукнул по окошку, отделяющему кабину автозака от крытого кузова.

- Че там? - раздалось приглушенное из кабины.

– Тормози, – сказал себе в рукав Бокорез, умело подделывая голос убитого. – У одного пассажира с сердцем плохо, растрясло.

Звякнул замок, окошко открылось.

– Так по инструкции не положено... – сказал голос из кабины, который тут же заглушили два зло твякнувших автоматных выстрела.

Автозак дернулся, накренился. Анатолий едва не свалился со скамьи. Но машина ехала на небольшой скорости, петляя по киевским улочкам, поэтому не перевернулась, а лишь дернулась раз-другой – и заглохла.

– Ништяк, – сказал Бокорез. – Сидите здесь.

После чего, погремев связкой ключей, отпер дверь автозака и вышел из машины.

Впрочем, через минуту он вернулся, закинув еще одно мертвое тело в машину. И за ним – третье. Следом на пол с грохотом полетели два автомата. После чего Бокорез резко бросил:

– Переодевайтесь.

И захлопнул дверь, после чего практически сразу заурчал заглохший двигатель.

– Ну че, Нокаут, – подмигнул Анатолию Пескарь. – Решился, с нами ты или нет? Так-то ты по ходу небось вкурил уже, что ничего тебе не светит. Если нас накроют, мы тебя сдадим, фраер. Мол, это ты ментов прикнутил. Паровозом пойдешь, а мы, сам понимаешь, не при делах.

Анатолий плохо понимал, о чем ему говорит бандит, но общий смысл до него дошел. Выхода и правда не было. Или погибнуть от рук дружков убитого, о чем ему намекал и адвокат, либо попытаться выжить. Любой ценой. Но переодеваться в одежду милиционера, голова которого была изуродована автоматной пулей, у него не было никакого желания.

– И куда мы теперь? – поинтересовался он.

– В Зону, – хохотнул Пескарь.

– Куда? – не понял Анатолий. – То есть как в зону? В тюрьму?

– В другую Зону, – сказал Пескарь, почти уже закончивший с переодеванием. – В Чернобыльскую.

Машину трясло. Она уже неслась на полной скорости.

– Эй, Бокорез, че гонишь, будто на ментовские похороны опаздываешь? – заорал Пескарь.

– Мусора? на хвосте, – донеслось из окошка, так и не закрытая дверца которого мерзко лязгала на каждой выбоине в асфальте.

Водителю в зеркала было видно больше, чем двоим арестантам, запертым в кузове. Однако обзор быстро расширился, когда в задний борт ударили пули.

Видимо, автозак когда-то и правда был хлебовозкой, задние двери которой просто заварили. Причем сделали это неважно. Очередь, прошившая задний борт, разбила сварной шов, и двери распахнулись наружу.

Над ухом Анатолия свистнула пуля, и тут же рядом раздался сдавленный хрип. Пескарь, схватившись за горло, рухнул на колени. Из простреленной шеи бандита хлестала кровь.

Анатолий многое в армии повидал, но так близко чужую смерть видел впервые. Оказалось, что это не особо и страшно. Просто упал человек лицом в лужу собственной крови и больше не двигался.

А позади к автозаку медленно, но неотвратно приближались две легковые машины, раскрашенные в сине-желтые цвета. Из окна одной из них торчала рука с таким же АКС74У, что валялись сейчас под ногами Анатолия. Понятно было – милиционер ловит момент, чтобы второй очередью прошить колеса автозака. И хотя сделать это было не так-то просто – Бокорез бросал машину из стороны в сторону, – понятно было, что рано или поздно правоохранитель своего добьется.

– Стреляй! – заорал из кабины Бокорез. – Стреляй, если жить хочешь!!!

И тут Анатолий осознал, что он и правда очень хочет жить. Для того, чтобы вернуться к невесте и матери, но главное – чтобы отомстить тем подонкам, которые так грубо и бесцеремонно сломали ему жизнь. Пусть он убил одного из них, но остальные виноваты не меньше. Это они все как один потом дали показания, что Анатолий затеял драку... А вот его друзья, с которыми он отмечал дембель, почему-то на суд не пришли. И отчего так произошло, парень просто запретил себе думать, решив раз и навсегда, что друзей у него больше нет.

Но для того, чтобы отомстить, нужно было вернуться.

И для этого существовал только один способ.

Анатолий неплохо стрелял в армии, в том числе и укороченную версию автомата Калашникова в руках держать доводилось. Разброс из него, конечно, приличный, но промахнуться с такого расстояния – это надо было умудриться.

Парень поднял с пола автомат, щелкнул переводчиком огня, дослал патрон в патронник, вскинул оружие и дал короткую очередь.

Он целился в колеса, сделав поправку на то, что если ствол задерет вверх, то пули вспорют двигатель автомобиля.

Но он ошибся.

В тот момент, когда он нажал на спусковой крючок, автозак подбросило вверх. Наверняка на выбоину в асфальте наехал Бокорез, из-за чего машина на такой скорости взбрыкнула, словно норовистый конь. И в результате очередь Анатолия вспорола не колеса и не капот, а лобовое стекло милицейского автомобиля...

Время вновь замедлилось, как это всегда бывает в переломные моменты жизни. Следующим кадром Анатолий увидел мелкую сетку трещин вдоль лобовухи, на которые изнутри машины обильно плеснуло красным. А потом были следующие кадры замедленного кино, в котором сине-желтый автомобиль лениво, но довольно круто поворачивал влево, нехотя переворачивался, и в него так же неторопливо врезалась вторая машина преследования.

Продолжалось это недолго, наверно, не больше пары секунд, после чего время вновь вернулось к нормальному ритму.

Но не жизнь Анатолия. Потому что в ней теперь был удаляющийся большой огненный шар, в который превратились два милицейских автомобиля.

Эхо взрыва все еще звенело в ушах Анатолия, когда сквозь него прорвался радостный рев из кабины:

- Да ты реально крутой пацан, Нокаут! Даже я б так не смог, одной очередью две тачки уделать. Лихо ты маслин в их телегу накидал - и умылись, и поджарились заодно.

Бокорез орал что-то еще, но Анатолий уже не слушал его.

Он думал о том, что, может, лучше прямо сейчас приставить горячий ствол к подбородку и одним нажатием пальца сразу решить все проблемы? Теперь-то ему точно никогда не вернуться в его прежнюю жизнь. Но, с другой стороны, если у тебя нет дороги назад, значит, остается только одно - идти вперед и не оглядываться. Так, словно не было у тебя прошлого и жить ты начал только сейчас, с этого самого мгновения.

Между тем автозак выехал из Киева и уже мчался по шоссе, на котором выбоин было заметно больше. Анатолий видел, как назад медленно уползают телеграфные столбы, за которыми расстилались поля и какие-то невзрачные деревеньки, словно нищенки выстроившиеся вдоль шоссе.

Хоть и трясло машину изрядно, но Анатолий неожиданно для себя задремал. Если б ему кто-то раньше сказал, что он будет способен заснуть в залитой кровью машине рядом с четырьмя мертвецами, он бы просто рассмеялся в ответ на такую бредятину. Но нервы - они не железные. Забился парень в угол между бортом и стальной решеткой и вырубился...

Разбудил его рев Бокореза, раздавшийся, как показалось, прямо над ухом:

- Подъем, Нокаут, делу делу делать надо!

– Ч-чего делать? – не понял Анатолий, с трудом продирая глаза и сперва не поняв, что это за жуткое место, куда он попал.

Но память тут же услужливо преподнесла ему ответы на все вопросы.

В подробностях.

А Анатолию на мгновение показалось, что все это ему приснилось...

– Короче, фраер, – донеслось из кабины. – Быстро переодевайся в ментовские шмотки и не выпендривайся, коли жить хочешь. Если тебя с вышек увидят в гражданке, сразу шмалять начнут. Мы к КПП Зоны подруливаем. Как закончишь со шмотьем, переползай в кабину и наостри локаторы. Сделаешь как я разложу, оба в живых останемся. Лоханешься – значит, все было зря...

* * *

Впереди от края до края горизонта растянулся кордон. Так Бокорез назвал двойное заграждение из колючей проволоки, меж рядами которой раскорячились пулеметные вышки. От одной до другой было около полукилометра, но Анатолий был в курсе, на что в умелых руках способен ПК, поэтому расстояние было вполне оправданным.

До заграждения оставалось метров двести, когда с крыши двухэтажного кирпичного КПП раздался зычный голос, усиленный стационарным мегафоном:

– Приказываю остановиться! В противном случае будет открыт огонь на поражение!

– Приехали, – осклабился Бокорез, нажимая на тормоз. – Ну что, покандехал я. Смотри, Нокаут, фраернешься – нам обоим кранты.

Бандит выпрыгнул из машины и побежал в сторону КПП. Видимо, его милицейская форма ввела охранников в заблуждение, потому что мегафон заткнулся.

Зато на бегу заорал Бокорез:

- Тревога! Нападение на подразделение киевской милиции! Мы еле ушли!
Быстрее дайте телефон!

Когда человек выдает столь беспокойный текст, вереща словно резаный, это производит впечатление. Дверь КПП открылась, из здания вышел военный с капитанскими погонами. До Анатолия, уже сидевшего за рулем незаглушенного автозака, донеслись его слова:

- Что случилось?

- Бамбук расцвел, а помидоры завяли, - хохотнул Бокорез, подбегая к нему.

- Что, простите? - выпучил глаза офигевший капитан.

- Прощаю, - сказал Бокорез, всаживая заточку в сердце военного и задвигая его внутрь КПП. Из которого немедленно раздался вопль бандита:

- Ну, чего стоите? Не видите, человеку плохо?

Это был сигнал, о котором говорил Бокорез.

Анатолию доводилось водить и БМД, и «шишигу» - разведчик должен уметь все. Поэтому он резко воткнул скорость, послал машину вперед, быстро переключился, разгоняясь...

Этот мир предал его.

Больше он ничего не был ему должен.

Две эти мысли бились в голове Анатолия, пока машина, ревя двигателем, неслась прямо на вышку. Так оно всегда легче - придумать себе оправдание, когда делаешь то, что не должен делать. Эти два предложения вчерашний «дембель» придумал, пока Бокорез бежал к КПП, и они помогли переступить через себя. В который уже раз за этот такой длинный и кровавый день...

Ряды «колючки» порвались под ударом тяжелой машины, словно нити, а вышка, сваренная из стального профиля, сложилась на кабину. Но скорость была слишком велика, поэтому автозак пролетел дальше, туда, за прорванное ограждение. Обломки вышки долбанули по крыше кабины – и слетели с нее, словно рассыпавшиеся спички. Анатолию показалось, что где-то там, наверху, раздался крик боли и ужаса, приглушенный металлическим грохотом, но парень быстро убедил себя, что это ему только показалось.

Притормозив, он развернул машину, сдав задом к КПП, из дверей которого выскочил Бокорез. Весь в крови, с автоматом в руках, из которого он дал длинную очередь по второй вышке, стоящей с другой стороны контрольно-пропускного пункта. Там, на верхней площадке, вскрикнул кто-то, невидимый Анатолию из кабины – и тишина повисла над Зоной. Короткая, как последнее мгновение перед смертью. И в этой тишине бежал к автозаку человек с автоматом – страшный, с лицом, залитым чужой кровью, и с торжествующей улыбкой на этом лице, похожей на оскал дикого зверя, любящего убивать не столько для еды, сколько ради забавы.

– Гони, мля! – проревел Бокорез, плюхаясь на пассажирское сиденье. – Гони, пока с других вышек вертухаи нас не посекали!

В кабине от рева бандита вздрогнула – и умерла тишина, разом заполнившаяся надсадным воем двигателя и ударами пуль по крытому кузову автозака, который сейчас выполнял для беглецов роль щита. Анатолий гнал машину вперед, а в его воображении эти пули били в мертвые тела, лежащие там, за спиной, вышибая из них фонтанчики темной, загустевшей крови. А еще вкус крови был во рту из-за зло, до острой боли закушенной губы. Ведь боль – это порой единственное, что позволяет человеку убедиться в том, что он еще живой.

Зачем-то живой...

* * *

Это оказалось проще, чем он ожидал. Ученик хоть и подросток и как ученый, и как личность, но все равно остался учеником, в душе робеющим перед учителем.

Академик удивился этому факту, но виду не подал. И, хотя ученик запер его в камере с прозрачной стеной, управлять им это не особенно помешало. Еда, обслуживание – все было на уровне. Но не хватало одной мелочи.

Свободы.

Когда Захаров попросил у Кречетова свой ноутбук, на успех он не особо надеялся. Но ученик беспрекословно принес требуемое.

И это было его ошибкой.

Проектируя свой научный комплекс, Захаров учел все возможные сценарии развития событий, в том числе и захват его неприступной крепости. И, как следствие этого, заключение в собственной тюрьме. Что и произошло.

Нет, конечно, можно было пойти на крайние меры. А именно – подойти к задней стене камеры и определенным образом нажать на стальные заклепки. Тогда бы один из бронелистов вывалился наружу, открыв тайник, в котором лежали:

– артефакт «горелка», способная резать металл и многослойное стекло, словно масло,

– рюкзак с разнообразными консервами, на которых вполне реально протянуть три дня,

– «смерть-лампа» с двумя запасными магазинами – светящимися лазурью полными «пустышками»,

– и мощный спутниковый КПК, через который даже отсюда вполне реально было связаться с людьми, готовыми на все, лишь бы им хорошо заплатили.

Так была оборудована каждая камера. Просто на всякий случай.

Но все это не понадобилось.

Потому что Кречетов принес ноутбук.

С виду ноут был ничем не примечательным – старая слабенькая машина, пригодная лишь для записей. Разумеется, ученик выдрал из нее сетевую плату и Wi-Fi адаптер. Но учитель на то и учитель, чтобы предусмотреть и такой вариант развития событий.

Начинка ноутбука была вовсе не тем, чем казалась. Под старыми корпусами деталей скрывались мощные устройства, многие из которых Захаров изобрел сам, используя в их схемах осколки артефактов Зоны. Поэтому через пять минут после того, как Кречетов покинул импровизированную тюрьму, академик уже общался через «Глубокую паутину» с людьми, услуги которых в рекламе не нуждаются.

Он хорошо знал этих людей, за деньги готовых на все. Вернее, человека, который был их главарем. И сейчас, войдя в закрытый чат, академик послал зашифрованное приветствие-пароль, по которому его должны были узнать.

Его узнали. И ответили почти сразу.

Кречетов довольно кивнул, увидев ожидаемый ответ на свое послание. Значит, его не забыли и все старые договоренности в силе.

«Приветствую, Индус», – набил Захаров.

«Это не Индус», – возникла надпись на экране. «Я Катар, его брат».

Академик прикусил губу. Пароль знали только двое – он и главарь группировки бандитов, с которым он слишком давно не общался. Просто не было общих тем, а когда их нет, какой смысл тратить время друг друга на бесполезную переписку? Что за Катар, какой Катар? Но, с другой стороны, выбирать не приходилось. И академик решился.

«Нужна помощь Вашей группировки».

«В чем она заключается?»

«Нужно захватить научный комплекс на озере Куписта, который охраняет рота бойцов группировки «Воля».

После небольшой паузы на экране ноута появилась надпись:

«Так просто «вольные» комплекс не отдадут, а я своих людей на убой не пошлю. Рота «зеленых» в укрепленном пункте будет стоять сотни моих людей, а у меня их всего-то полторы».

«Есть план, как обойтись без потерь, – отозвался академик. – И за работу я заплачу тремя редчайшими артефактами из моей коллекции».

«Что за артефакты и каков план?»

После того, как академик ответил на оба вопроса, возникла более долгая пауза. Захаров уже начал нервно поглядывать на дверь своей тюрьмы, когда на экране высветилось:

«Добавьте еще два арта, аналогичных по цене, – и по рукам».

«Согласен, – с облегчением отозвался академик. – Но есть особые условия. Мне нужны два человека, что сейчас наверняка находятся в автоклавной. Живые и невредимые».

«Это можно устроить, – отозвался новый главарь группировки бандитов. – Сегодня ночью ждите гостей».

...И «гости» пришли.

В камере Захарова была отличная акустика. Даже через закрытую входную дверь блока академик слышал выстрелы и крики умирающих. А потом, когда все стихло, та дверь отворилась и в блок зашел плечистый малый в черной бандитской куртке и с пулеметом наперевес.

Он огляделся, удивленно приподнял брови и произнес:

– Ну ни хрена себе!

Рядом с дверью в стену была вмонтирована панель, открывающая соседние боксы, в которых сидели подопытные мутанты. Нажимая на кнопки, бандит

открыл импровизированные камеры одну за другой и планомерно расстрелял всех их обитателей.

Захаров, болезненно морщась, смотрел, как умирают муты, но ничего не мог поделать. Он сам вызвал сюда этих чудовищ в человеческом обличье, рассказав им, как войти в научный комплекс и перебить сонную охрану. И теперь бандиты чувствовали себя здесь хозяевами.

Бокс академика пулеметчик отпер последним. Захаров вышел в залитый кровью коридор и, глядя в глаза бандита, произнес лишь одно слово:

– Зачем?

– Что «зачем»? – вновь удивился пулеметчик.

– Зачем вы убили этих ни в чем не повинных существ?

– Тебя, лошара, забыл спросить, – сказал бандит, сплюнув академику под ноги. – Но поскольку ты, небось, тот самый старпер, ради которого мы сюда прикандохали, поясню. Бугор приказал все здесь зачистить, так что я выполнял приказ.

Захаров не привык, чтобы с ним разговаривали в подобном тоне. Даже таинственно исчезнувший Индус не позволял себе подобного, всегда общаясь с ученым уважительно и без употребления блатной лексики. Поэтому Захаров взбеленился:

– Слышишь, ты, щенок! – заорал он. – Маме своей бестолковой будешь под ноги плевать, которая такого хама вырастила...

– А вот за маму это ты зря, – сказал бандит. – Заколебал, плесень.

Последнее, что увидел Захаров, был приклад пулемета, летящий ему в лицо.

И сразу же на академика обрушилась непроглядная тьма.

* * *

Бывает такое – ты уже понимаешь, что проснулся, но продолжаешь видеть сон. Уже нечетко, словно сквозь дымку, но все-таки он еще продолжается, медленно растворяясь в преддверии реальности, которая вот-вот ворвется в твое сознание...

Я видел девочку, уходящую вдаль. И отчего-то мне было грустно. Я уже не помнил, от чего именно – сны имеют свойство быстро забываться, – но эта грусть была настолько щемящей, подлинной, настоящей, что я почувствовал, как по моей щеке медленно катится слеза...

И от этого ощущения я окончательно проснулся.

Впрочем, пробуждение не доставило мне особой радости.

Во-первых, болела голова. Неприятно так, будто изнутри на височные кости что-то давило. А во-вторых, я лежал в стеклянном гробу, сквозь толстую крышку которого лился зловещий красный цвет. Почему именно красный? И что я здесь делаю?

После глубокого сна такое бывает часто – мозг не сразу включается в обычный режим. Но постепенно я начал вспоминать...

Лаборатория. Смятые гильзы, в которых был заключен биоматериал моих погибших товарищей. И профессор Кречетов, который предложил мне сделку – фактически, моя жизнь в обмен на его обещание вернуть моих друзей к жизни. Неравный обмен, с учетом того, что ученый вполне мог и не сдержать данного слова. Но иного выбора у меня не было. И я согласился лечь в автоклав... для чего?

Для чего-то, о чем, как я понимаю, сам профессор имел очень смутное представление. Помнится, он говорил, что мое сознание будет перемещено в некоего человека, живущего в другой реальности. А может, в прошлом Зоны, я так и не понял – как и то, зачем все это затевается. Впрочем, все это не помешало мне улечься в стеклянный гроб, ведь жизни моих товарищей были для меня намного важнее собственной. А Кречетов обещал оживить их при любом исходе эксперимента[1 - События, описанные в романе Дмитрия Силлова «Закон

лесника» литературной серии «СТАЛКЕР».]

И вот сейчас я лежал в этом чертовом прозрачном гробу, любовался на красный свет и ждал, что Кречетов, наконец, откроет распроклятый автоклав. Скопив глаза вниз, я убедился, что в мои руки больше не воткнуты иглы автоматических капельниц. Значит, эксперимент завершен и пора бы уже меня освободить...

Но почему-то никто не спешил это делать.

Тогда я заорал.

Ну как заорал... Попытался это сделать.

Получилось неважно. Из горла вырвался лишь хрип – и тут я осознал, насколько оно пересохло. Блин, сейчас бы все отдал за стакан воды!

Забавная мысль, заставившая меня усмехнуться. Все бы он отдал, ага. А что у тебя есть, кроме самомнения, нахальства и сомнительной ценности навыков убивать живых существ, включая братьев по разуму?

Вопрос был философским. Есть у меня такой недостаток – когда приходит полный и всепоглощающий пушной зверек, мне в голову всякая философская чушь лезет вместо дельных мыслей насчет того, как данного зверька половчее прищучить.

Не придумалось ничего, кроме того, чтоб попробовать заорать снова.

На этот раз вышло лучше. А с третьего у меня аж уши заложило – попробуйте поорать в гробу, эффект, доложу вам, потрясающий. Ваши вопли за пределы того гроба вряд ли выйдут, но по ушам вам долбанут изрядно.

Но я все же подождал пару минут на всякий случай...

Не-а. Никто на мой ор не отреагировал. А я между тем начал ощущать некоторую спертость воздуха вместе с настойчивым желанием слить лишнюю жидкость. Понятно. Автоматическое жизнеобеспечение отключилось – эксперимент-то закончен, – а подопытного из герметичного автоклава достать

забыли. И если жидкость, изловчившись, теоретически можно было бы слить под себя, что неприятно, но пережить можно, то отсутствие воздуха я точно не переживу.

Признаться, я слегка запаниковал. Правда, продолжалось это недолго, ибо я вспомнил, что кроме вышперечисленных негативных качеств, включая вредный характер, о котором я забыл упомянуть, есть у меня и одна бесспорно материальная ценность. А именно – нож «Бритва», с которым я очень стараюсь никогда не расставаться. Хороший нож, качественный. Способный резать не только колбасу и шеи врагов, но даже рассекать пространство между мирами.

Неудобно, конечно, было извлекать его из ножен, ворочаясь в стеклянной гробнице, но я справился. А достав, резко ударил им вверх...

Признаться, моя «Бритва» умеет удивлять. Я готовился к тому, что сейчас на меня посыплется битое стекло, но вместо этого клинок моего ножа свободно прошел сквозь толстенную крышку автоклава, словно она была слеплена из силикона.

Подивившись свойствам «Бритвы» полосовать стекло словно масло, я, кряхтя и матерясь, ухитрился вырезать солидный кусок крышки, вытолкнуть его наружу и вылезти следом.

В лаборатории было пусто. Никого, ни души. Лишь аварийный красный свет продолжал литься с потолка. Почему аварийный? А хрен его знает почему. Может, Кречетов скушал что-то несвежее и на самом интересном месте эксперимента у него случилась авария в нижнем регистре. Включил свет, соответствующий ситуации, и рванул с рабочего места в отхожее.

Такие вот злорадные мысли гонял я в голове, сливая лишнее в распотрошенный автоклав и заодно осматриваясь. Так. Дверь, похоже, заперта. Это плохо. Но мое оружие и рюкзак, которые я оставил перед загрузкой в кречетовский гроб, лежали на месте. Это уже лучше. Хорошо, что «Бритву» с пояса не снял. Кстати, годный совет можно в будущей книге написать – если, конечно, до этого дойдет дело: каждому, кто готовится помереть, рекомендуется озаботиться хорошим ножом перед тем, как отправиться в последний путь. А то вдруг путь окажется не последним, и в таком случае проблематично будет потом выбраться из гроба без качественного оружия последнего шанса.

Покончив с отливом, я вдруг понял, что теперь больше всего на свете хочу жрать. Помнится, у меня еще перед экспериментом желудок сводило с голодухи, но тогда в силу значимости и трагичности момента я сдержался и не стал хомячить перед загрузкой в автоклав.

Зато сейчас оторвался, благо рюкзак с продуктами лежал в двух шагах.

Вместе с оружием.

Возле автоклава раскорячился огромный агрегат, назначение которого для меня было загадкой. Экраны, лампы, кнопки, тумблеры... Наверняка ценная машина, не зря Кречетов так увлеченно с ней работал перед тем, как упечь меня в стеклянный гроб. Но главное – моя СВД по-прежнему стояла прислоненной к этому агрегату. А на столе рядом с ним лежал автомат «Вихрь», на том же месте, где я его оставил. Правда, гильз с биоматериалом моих друзей не было. Как и самого Кречетова, кстати. Ладно, разберемся.

Первым делом я проверил оружие. Все было в порядке. СВД, правда, давно не чищена, за что существенный минус ее прежнему хозяину, упокой его Зона, но с приведением винтовки в порядок я решил погодить. Мало ли, начну ее разбирать, а тут вражья сила в лабораторию вломится, застанет врасплох. Поэтому СВД я отправил за спину, присел на край стола, автомат пододвинул поближе на всякий случай, открыл сумку с припасами и принялся приводить в порядок себя. То есть жрать так, словно три дня не ел. Что, кстати, было вполне возможно – я понятия не имел, сколько пролежал в автоклаве.

Между прочим, чавканье – это тоже отвлекающий фактор. Когда оно ритмично звучит в голове, можно запоздало среагировать на странный звук за спиной. Как это со мной случилось, например.

Услышав раздавшееся сзади шипение, я схватил автомат, резко развернулся – и застыл с куском колбасы в пасти, словно кот, пойманный на месте преступления возле холодильника.

Шипел автоклав, стоявший последним в ряду. Его крышка уже почти приняла вертикальное положение. А следом за ней из стеклянного гроба поднимался... профессор Кречетов собственной персоной.

М-да... Теряю хватку. Прежде чем начать хомячить, стоило обыскать лабораторию как следует.

- Жрешь? - спросил Кречетов.

- Жру, - сказал я с набитым ртом, куда, немного придя в себя от удивления, втянул недоеденный колбасный шмат.

- Приятного аппетита, - хмыкнул профессор, озираясь. - Больше тут никого нет?

- А кто-то должен быть? - осведомился я.

- Могли, - сказал Кречетов, кивнув в сторону бронированной двери. - Но, видать, не получилось.

Я посмотрел туда, куда указывал профессор.

Из-под тяжелой стальной створки по полу расползлось пятно копоти. Похоже, с той стороны кто-то взрывчатку закладывал, пытаясь вынести дверь. Но не вышло, так как она была намертво заблокирована изнутри механическим засовом. Потому и свет аварийный, от внутреннего аккумулятора, ибо в автоклавной внешняя проводка от взрыва накрылась медным тазом. Только кто бы мог захватить лабораторию Кречетова, которую так рьяно охраняли бойцы группировки «Воля»?

- Это Захаров, - с грустью сказал Кречетов, перехватив мой вопросительный взгляд. - Он в камере сидел, со всеми удобствами. Я ему даже ноутбук дал, чтоб он мог работать - разумеется, без доступа в интернет. Однако он как-то сумел связаться с бандитами, у которых своя стальная крепость на свалке. И дал коды доступа от всех дверей. Ночью эти сволочи тихо сняли часовых и устроили резню. «Вольные» хорошие бойцы, но бандитов было слишком много. Ну, и эффект неожиданности сыграл свою роль. В общем...

- В общем, понятно, - кивнул я. - «Зеленые» никогда особой дисциплиной не отличались, это не «борги». Небось, понадеялись на неприступность комплекса, закупились тут и ночью перепились-перекурились вусмерть. Тут бандюки их и взяли за жабры.

– Ты прав, надо было с «боргами» договариваться об охране, – вздохнул профессор.

– Скорее, не надо было Захарова оживлять и давать ему ноут, – сказал я. – Ты ж его воскресил, верно?

Кречетов кивнул, опустив глаза в пол.

– А сделал это для того, чтобы вытрясти из него какие-то сведения, – продолжил давить я. – И меня в автоклав определил по его прямому указанию. Кстати, а где биоматериал, что я тебе дал?

Профессор отвел взгляд в сторону.

– У Захарова. Он сказал принести ему те гильзы, мол, это уникальные образцы ткани мутантов, которые он должен исследовать...

Я аж задохнулся он гнева.

– Ты! Отдал! Их! Ему! Зачем???

Сейчас я готов был задушить Кречетова голыми руками, но остаток здравого смысла удержал меня от вполне естественного порыва. Смерть профессора ситуацию не исправит, а шансы воскресить моих друзей сведет практически к нулю.

– Он был моим учителем, – тихо проговорил Кречетов. – Там, на Большой земле, давным-давно. Пожалуй, это единственный человек на свете, чей авторитет и чье слово для меня что-то значат. Я знал, что перед смертью он работал над каким-то совершенно безумным проектом, который, по его словам, должен был благодетельствовать все человечество...

– И, разумеется, принести колоссальный доход, – немного поостыв, криво усмехнулся я. – Работа на благо человечества – это всегда хороший бизнес.

Профессор вздохнул. Сказать ему было нечего.

– А в автоклав-то зачем залез? – поинтересовался я. – Если б бандиты сюда ворвались, все равно б выковыряли нас из этих гробов.

– Чтоб с ума не сойти от собственных мыслей, – буркнул Кречетов. – Надо ж было быть таким идиотом – дать ноутбук Захарову и надеяться, что он не найдет способ связаться с внешним миром.

– Ну да, – кивнул я. – Это ж его комплекс, он тут все знает, так как сам его и строил. Наверняка академик все предусмотрел заранее. Так что без разницы, дал ты ему ноут, не дал бы – он все равно б тебя обдурил, так или иначе.

– Умный, да? – набычился Кречетов. – А если умный, не объяснишь, какого хрена ты автоклав раскурочил, когда там есть кнопка экстренного подъема крышки?

Профессор принялся – и скривился.

– Еще и отлил туда...

– А ты меня проинструктировал, что там есть, прежде чем в него паковать? – в свою очередь окрысился я. – И еще бы хорошо понять, что я там вообще делал. Кстати, сортиров я тут поблизости не наблюдаю, так что извините, если своими миазмами удручил ваш обонятельный аппарат.

– Хммм, – почесал подбородок Кречетов. – Красиво ругаешься, сразу видно, что писатель, а не простой сталкерюга с интеллектом двуногой крысособаки. А насчет того, что ты там делал, я и сам не знаю. Это вопрос к Захарову.

– Ну, зашибись, – проворчал я. – Офигенный я контракт с тобой заключил. Не только друзей не оживил, но еще и их биоматериала лишился.

Профессор развел руками.

– Захаров и меня надул как первокурсника. Сыграл на моем почтении к нему как к учителю. Признаю?сь, виноват. Если хочешь, можешь меня пристрелить, только вряд ли это поможет делу.

Я внимательно посмотрел на Кречетова.

- Пристрелить тебя всегда успеется. А что, есть идеи, как исправить ситуацию?

Профессор почесал затылок.

- Неважный я был бы ученый, если б у меня не было плана на случай, если все пойдет не так.

- Тогда я тебя слушаю, - сказал я.

* * *

Грузовик несся по Зоне.

На душе у Анатолия было муторно. И мерзко. Вроде живой, на свободе и даже не раненый. Однако в голове, словно заезженная пластинка, вертится одна и та же мысль - а не лучше ли было бы, если б он лежал сейчас там, в кузове, рядом с трупами, такой же как они, нашпигованный свинцом и совершенно безучастный? Мертвым проще. Их не мучают ни боль, ни совесть, ни воспоминания о жизни, которой у него больше никогда не будет...

- Чего нос повесил, бродяга? - радостно осведомился Бокорез. - Думаешь, все, кончилась житуха, если на тебе пара жмуров висит? Забей и забудь! В этой жизни или ты, или тебя. Третьего не бывает. Тебя хотели лишить свободы, унижить, завалить - и по ходу ты их обломал конкретно. Стало быть, ты не ффраер теперь, а самый натуральный босяк.

- Кто? - переспросил Анатолий.

Бокорез рассмеялся - весело, громко, как обычно смеется человек, у которого совесть чиста как у младенца. Ничего его не гложет, не свербит под черепом, кровавые пятна на пробитом пулями лобовом стекле не маячат перед глазами. Чего б не посмеяться, если на душе светло и радостно?

- Блатяга, пацан, бродяга - слов много, смысл один, - отсмеявшись, сказал Бокорез. - Наш ты теперь с потрохами, кровью повязанный с братвой. И два пути у тебя теперь - или самому себе маслину в тыкву загнать, или жить дальше,

легко и свободно, как вольный ветер.

Анатолий стиснул зубы. Первое, конечно, осуществить легко – взять автомат, что рядом лежит, вжать уже остывший ствол в подбородок, да большим пальцем сделать одно короткое движение...

Но для Анатолия это было неприемлемо. Все равно что сбежать с поля боя, трусливо поджав хвост, в блаженную, прохладную темноту, где тебя никто не найдет. Неправильно. Не по-мужски. Не тому его учили в армейской разведке...

Получается, придется пока согласиться с бандитом, что вольготно развалился на пассажирском сиденье. Если нет больше возможности вернуться назад, в свою жизнь, придется пожить чужой...

– Тут скорость сбрось, – сказал Бокорез. – Сейчас болота начнутся. Дорога где есть, а где и нету ее, одна грязища. Плюс аномалии здесь уже могут быть. Не сильные, но голодные. Поэтому поответственнее езжай.

Про аномалии Анатолий слышал на Большой земле. Так, на уровне сплетен. О Зоне вообще конкретной информации мало было. Запретное место – и все. Газеты о ней молчали, телевидение – тем более. И – чего уж тут – разобрало парня любопытство. В молодости раны быстро затягиваются, что пулевые, что душевные. Еще ноют, конечно, но уже не кровят, покрывшись запекшейся коркой, спасающей от заразы и совести.

– Может, пока мы тут тащимся на первой скорости, расскажешь немного о Зоне? – поинтересовался он.

– Да легко, – хмыкнул Бокорез. – Короче, расклад такой. По мне, что Чернобыльская Зона, что исправительно-трудовая колония – один хрен. Сам посуди. Проволокой огорожена, пулеметные вышки с вертухаями ты сам видел. Есть тут группировка, «Борг» называется. Красноперки ссученные, мусора недобитые, все мечтают Зону «красной» сделать. А им «отрицалово» не дает, и группировка «Воля» среди них первая. У нее с «боргами» постоянные терки да разборки. Есть тут и простые сталкеры-одиночки. Эти что твои «мужики», тупо свою лямку тянут, ишачат за себя и за того парня, а остальные группировки их доят помаленьку. Ученые с озера Куписта – то хозбычье, что в тепле жирует, ни на кого баллоны не катит и потихоньку имеет в Зоне свой интерес. Ну и мы,

которых в этих местах группировкой бандитов зовут. Реально свободные пацаны, которые на всю эту кофду класть хотели, потому как все они нам по жизни должны.

– А почему должны? – удивился Анатолий.

– А потому, Нокаут, – усмехнулся Бокорез. – Любая «черная» зона – что исправительно-трудовая колония на Большой земле, что эта, Чернобыльская, – наша по понятиям.

Анатолий где-то слышал о том, что «черными» называют зоны, где заправляют бандиты, а «красными» – те, в которых администрации удалось полностью сломить так называемый «воровской ход».

– Не пойму, почему Чернобыльская Зона «черная», то есть бандитская, – сказал Анатолий. – Здесь же куча других группировок.

Бокорез усмехнулся.

– Пооботрешься в семье – поймешь. Мы здесь за все ниточки дергаем, а остальные только пляшут под нашу дудку.

Насчет этого у Анатолия были сомнения, ибо слышал он другое. Но промолчал. Как говорится, каждый кулик свое болото хвалит, и наверняка любой бандит считает свою группировку самой крутой и могущественной.

Сомнения парня Бокорез прочитал по его глазам. И понял их по-своему.

– Ну да, ты, небось, думаешь, что мы преступники, а другие группировки прям благородные рыцари без страха и упрека? – сказал он. – Забудь. В глазах закона Большой земли все в Зоне бандиты, какого бы цвета комбезы они на себе ни таскали и какие бы громкие названия ни носили их воровские малины. Для ментов каждый, кто сейчас находится за Периметром, – уголовный элемент, который надо зачищать. Но ментовской закон там, а мы – здесь. И здесь мы устанавливаем свои законы.

Прозвучало это довольно напыщенно. Анатолий не любил громких фраз, но промолчал. Просил рассказать о Зоне – получил информацию, какая была. И на том спасибо.

– Кстати, вон по правую сторону холм видишь? – Бокорез ткнул пальцем в окно. – Это логово барыги с погонялом Жмотпетрович. Снаряга, стволы, нормальный хавчик – это все к нему. Дерет три шкуры, но товар всегда годный. Ссориться с ним не надо, у него везде связи. Например, из-за одного сталкера его приемная дочь погибла, так он с горя пообещал пятьдесят процентов своего дохода по жизни отдавать тому, кто принесет его голову. Говорят, уже голов тридцать ему приволокли, да все не те.

– И что же это за сталкер такой, что его всей Зоной никак поймать не могут? – удивился Анатолий.

– Легендарный, – отозвался Бокорез. – Снайпером звать. Уже сколько времени Зону баламутит, а все ни у кого не выходит его завалить. Кто что языком чешет. Поговаривают, то ли личной удачи у него вагон, то ли Зона его защищает, то ли у самой Смерти он побратим. Но, думаю, это все чушь крысособачья. У нашей группировки к нему, кстати, тоже вопросы имеются. Как поймаем, так зададим по полной...

Анатолий аккуратно лавировал меж больших луж, со всех сторон наползающих на дорогу. Непонятно как шоссе вообще еще не исчезло под натиском болота? Но пока еще проехать было реально. Может, потому, что аномалии самым натуральным образом боролись с болотом, отстаивая свою охотничью территорию. Вон шар из белых молний замер на обочине, погрузив длинные, изломанные разряды в полужидкую тину. Над аномалией клубился туман – она явно испаряла жидкость, превращая кромку болота в слой засохшей грязи. Правда, давалось ей это нелегко. Молнии были тонкими и довольно тусклыми.

– Сдохнет скоро без жратвы, – сказал Бокорез, кивнув в сторону шара. – У них все как у людей. Два пути. Или бороться до конца и сдохнуть в той борьбе, или уползти подальше от проблем, найти себе благополучное, сытное место и жировать потихоньку.

– Борьба не всегда означает сдохнуть, – неуверенно возразил Анатолий.

– Всегда, парень, всегда, – зевнул Бокорез. – Борьба – она как рулетка или стирь. Затягивает хуже любой азартной игры. Когда отпадает надобность бороться за одно, человек начинает воевать за другое. Пофиг за что. Потому что подсел. И бьется он, пока его не прищучат или сам не застрелится нахрен от нервного срыва и психологических проблем. Пацаны нашей бригады тоже машутся постоянно – с ментами, с Зоной, с другими группировками, сами с собой грыземся. Натура такая. Сидим на той борьбе как на игле, и нету от нее противоядия.

– Да ты философ, – хмыкнул Анатолий.

– Не, просто делать нефиг, оттого и мету, что в кукушку придет, – хмыкнул Бокорез. – Скоро на место приедем, там не до балабольства будет. Сразу делюги начнутся, терки-разборки. Короче, сам увидишь. Главное – как бы карта ни легла, не мандражуй. Как себя с ходу покажешь, так и жить будешь. Или чушкарем под шконкой, или правильным босяком.

Последнее Анатолий не совсем понял, но суть уловил. Этот простой закон он еще в школе понял: если себя с ходу как следует не поставишь, дальше будет крайне сложно завоевать авторитет. Поэтому если сразу не дать себя подмять, то дальше все будет намного проще.

Размышления о будущем – это всегда хорошо. Они забивают мысли о прошлом, разгоняют по венам кровь, насыщая ее адреналином, растворяя тоску и безысходность в здоровой боевой злости. Болота кончились, и под колеса легла более-менее нормальная бетонка. Бокорез подсказывал, куда свернуть, где подбавить газ, где ехать осторожнее из-за опасности нарваться на охотящуюся аномалию. И когда Анатолий, подуставший от такой манеры езды, был уже готов послать своего попутчика на известное количество букв, предложив ему самому порулить, тот выдал:

– Вон видишь железную гору? Это и есть наша база.

Действительно, после того как автозак проехал ржавый указатель с надписью «Россоха», над верхушками кривых, изуродованных радиацией деревьев стала видна красная от ржавчины верхушка огромного бронеколпака.

Дорога повернула, мутировавший лесок остался позади, и бандитская крепость стала видна целиком. Эпичное сооружение, ничего не скажешь. Ясно, что сварено оно было далеко не профессионалами, и не разваливалось на стальные листы лишь вследствие избыточности конструкции – множество контрфорсов усиливали сооружение. А между вертикальными стальными ребрами были прорезаны длинные амбразуры, в некоторых из них, можно было различить дульные срезы стволов неслабого калибра.

– В восемьдесят шестом году тут неподалеку, на южной окраине села, ликвидаторы последствий аварии на ЧАЭС замутили гигантский могильник зараженной техники, – пояснил Бокорез. – Гектаров двадцать заставили ремонтно-эвакуационными бронетранспортерами, инженерными машинами разграждения, машинами химразведки. Даже вертолеты сюда же приволокли. Фоново все это нехило, но для настоящих сталкеров радиация – это неизбежное зло, на которое можно положить с пробором. Так что пацаны не растерялись, распилили этот радиоактивный хлам и сварили себе из него вот такую крепость. Помял ее недавно тот самый Снайпер, почти все внутри разворотил, но я думаю, что братва уже тот ущерб поправила.

– Один человек разломал стальные перекрытия? – не поверил Анатолий.

– Не один, – нехотя проговорил Бокорез. – Но без него не обошлось[2 - События, описанные в романе Дмитрия Силлова «Закон Охотника» литературной серии «СТАЛКЕР»]. Легенда, блин, Зоны. Ладно, подробности потом. Паркуй автозак вон там и айда за мной – буду тебя братве представлять.

Не хотелось Анатолию никаких представлений. С души воротило от «блатной музыки», коверкающей нормальные слова, обычаев бандитских, с которыми краем соприкоснулся в армии, татуировок, уродующих тела, и показной жестокости, калечащей души. Но иного выхода не было. Поэтому парень сделал то, что было сказано, и вслед за Бокорезом вылез из машины.

Понятное дело, что их «срисовали» еще задолго до того, как автозак подъехал к крепости. Анатолий отметил, как шевельнулись пулеметные стволы в бойницах, беря на прицел их с Бокорезом. Впрочем, это и не требовалось, так как из распахнутых ворот крепости выходили вооруженные люди. Много, человек пятьдесят. В руках – автоматы и ружья. На лицах у многих черные маски, оставляющие открытыми глаза и рот. Одеты преимущественно в кожу – большинство в куртках, некоторые в длинных плащах с капюшоном.

Правда, были и те, кто выделялся из толпы – кто одеждой, отличающейся от остальных, кто отсутствием маски на лице. Например, как один вышедший вперед тощий тип с изуродованным ухом, зататуированный по самую нижнюю челюсть. Характерный персонаж. Глянешь раз – и точно не ошибешься насчет того, чем человек себе на жизнь зарабатывает. Вернее, берет от жизни. На пальцах – синие перстни, на левой стороне шеи набит паук, сидящий на паутине. Судя по «партакам», опытный сиделец, который большую часть жизни провел в тюрьме, «давя режим», то есть портя нервы вертухаям. По всему видать, вожак этой неслабой банды.

– Да чтоб мне век воли не видать! – воскликнул татуированный. – Бокорез, ты?

– А то, – хмыкнул бандит, сверкнув стальной коронкой.

– Не пояснишь, с чего это на тебе ментовской клифт? – прищурился бандит.

– Не в ущерб, братва, – развел руками Бокорез. – Чисто маскировка. Иначе б не вышло сдернуть с кичи.

– Верю, – хмыкнул татуированный. – Ну, здоров будь, босяк.

– И тебе не хворать, Катар.

– Я всегда верил в твой фарт, братело, – сказал тот, кого называли Катаром, подходя ближе. – И вижу не подвел он тебя! А Пескарь где? Он по ходу должен был тебе маляву скинуть и с тобой же назад вертануться.

– В кузове, – слегка помрачнел Бокорез. – Нет его больше с нами, вальнули Пескаря менты.

– Упокой его Зона, правильный был пацан, – с торжественной ноткой в голосе произнес Катар. – Тебя с кичи сдернул, а сам вытянулся. Такова жизнь наша босяцкая. А это кто с тобой?

– Первоход, с которым мы случайно вместе на рывок ушли, – отрекомендовал Бокорез Анатолия. – Когда встали на лыжи, за нами ментовской хвост привязался. Так этот фраер его обрубил на раз-два-три. Двух легавых из калаша

мочканул за нефиг делать.

- Ишь ты, - качнул головой Катар, меряя Анатолия немигающим взглядом кобры, готовой броситься в атаку. - Сам ту мокруху видел?

- Своими зенками, - заверил главаря Бокорез.

- Ну, ништяк, - кивнул Катар. - Если ты за фраера впрягаешься, значит, фраер того стоит. Однако обкатать отмычку по-любому нужно. Без прописки его братва не примет и за своего держать не станет.

Бандиты, стоящие за спиной главаря, заухмылялись.

- Ну что, пацаны, - обернулся Катар к толпе. - Кто зеленого обкатает?

- Пусть Сокол его на вшивость проверит, - раздался чей-то голос.

- Годная тема, - отчего-то засмеявшись, поддержал его второй - и поперхнулся собственным гоготом, когда его, выходя из толпы, довольно бесцеремонно толкнул плечом невысокий парень в черном комбинезоне с красными вставками на груди. Голова бандита была полностью затянута в черную военную маску-подшлемник с тремя отверстиями для глаз и рта. На руках - тактические перчатки с накладками на костяшках кулаков, на ногах - высокие берцы с выступающим рантом.

Анатолий сразу понял - перед ним опасный тип. В реальном бою мускулатура зачастую вторична, если боец умеет молниеносно и точно бить в уязвимые места на теле противника. Бандит по прозвищу Сокол, похоже, был именно из этой породы. Гипертрофированными мышцами природа его обделила, зато гибкостью и быстротой наградила с избытком. Анатолию достаточно было увидеть, как его противник вышел из толпы. И не надо иметь семь пядей во лбу, дабы понять, что такое «прописка». Его будут бить, и спасибо, что не всей толпой. Но при этом не стоит обманываться скромными габаритами Сокола - на подобные испытания обычно выставляют лучших.

В своих предположениях Анатолий не ошибся.

Сокол подошел пружинистой походкой и без предисловий ударил – махнул расслабленной рукой от бедра, словно плетью, метя пальцами по глазам противника. Такой удар, если хорошо попадет, вышибет искры из гляделок на пару секунд, которых вполне достаточно, чтобы превратить врага в отбивную.

Но Анатолий ждал чего-то подобного. Быстро сделал шаг назад, уходя от хлеста – и еле успел заблокировать ногу, летящую прямо в пах. Грязная «двойка». Неважно, попадут пальцы по глазам, нет ли – но отвлекут обязательно. И тогда второй удар срубит противника гарантированно.

Но на этот раз у Сокола отработанная комбинация не получилась.

Блокирующую руку рвануло болью, от ладони до локтя – подкованный металлом берц хорошо разогнал ногу противника, выполнив роль тяжелого маятника. Но намеченной цели не достиг. И пока Сокол ставил ударную ногу на землю, Анатолий рванулся вперед с рукой, согнутой в локте, сместился с линии атаки и бицепсом двинул противника в горло.

Хотел бы убить или покалечить, двинул бы локтем – на встрече, да с доворотом корпуса такой удар ломает в кашу нижнюю челюсть либо плющит трахею, что часто летально. Но Анатолию хватило убийств на сегодня, и, даже несмотря на грязный удар Сокола, калечить парня он не хотел. Вполне достаточно сделанного.

Мягкий, но мощный удар швырнул более легкого противника на спину. Анатолий упал сверху, придавив его телом. Рванул маску кверху, натягивая ее на глаза Сокола, чтоб ослепить его, – и маленько не рассчитал.

Черная материя легко слетела с головы противника – и Анатолий на мгновение остолбенел.

Длинные ресницы, большие зеленые глаза, волосы до плеч цвета воронова крыла...

Девушка...

Горла коснулось холодное. Анатолий, слегка отошедший от шока, может, и хотел бы пошевелиться, но, скосив глаза вниз, не рискнул.

В левой руке девушка держала короткий кинжал. Откуда извлекла – непонятно, скорее всего, из рукава. Но это уже не суть. Одно движение ее руки, и Анатолий захлебнется собственной кровью...

– Добро пожаловать в Зону, отмычка, – с легкой хрипотцой в голосе проговорила девушка. – Скажи спасибо, что я сегодня добрая. А теперь убери с меня свою тушу.

Нож, сверкнув лезвием, спрятался в черный рукав комбинезона. Ловко. Прямо не Сокол, а фокусник... Хммм... То есть, фокусница... Блин, а есть такое слово?

Дурацкие мысли крутились в голове Анатолия, пока он довольно неуклюже слезал с девушки. Болела отбитая ладонь и растоптанное в пыль самолюбие. Учили же: никогда в экстремальной обстановке не торгуй нижней челюстью. Любая эмоция в бою – это смерть. Удивил тебя противник, растерялся ты, отвлекся, моргнул не вовремя – и все. Победа превращается в поражение, и вот ты, весь такой крутой из себя разведчик, лежишь с лезвием у горла, будто предназначенная на убой курица, не рискуя пошевелиться...

Сокол тоже поднялась с земли – легко, будто пружина, затянутая в черный комбинезон.

– Ну, как тебе фраерок, Сокол? Подошел по калибру? – хохотнул из толпы весельчак, которого девушка толкнула плечом минуту назад – видать, задела бандита ее бесцеремонность.

Правда, смех его тут же прервался. Девушка небрежно махнула рукой, и в кожаный воротник куртки весельчака вонзился тот самый нож, который только что охлаждал горло Анатолия.

– В следующий раз я не промахнусь, – сказала Сокол, подойдя к бандиту. Выдернула нож из его куртки – и ушла в распахнутые ворота крепости. Никто ей не препятствовал, наоборот, здоровые вооруженные мужики уважительно расступились, пропуская девушку.

– Что за красючка? – поинтересовался Бокорез. – Что-то я такую не припомню в бригаде.

– Сержант «Борга», – отозвался Катар. – Что-то с красно-черными не поделила и свалила от них. Прибилась к нам, но, думаю, ненадолго. Больно уж характер лихой. Васька Трындец попытался к ней в первую ночь подкатить, так сейчас в лазарете лежит, причиндалы свои нянчит, которые смахивают на спелые помидоры.

Бокорез рассмеялся.

– Реально крутая чувиха. Ну че, Катар, принимаем Нокаута в бригаду?

– Прописку он, по ходу, завалил, попался на финт как фраер, – хмыкнул главарь группировки. – Но если ты, Бокорез, за него впрягаешься, то по мне так без базара. Что не знает – Зона научит. А учиться не захочет, значит, Зона и упокоит. Ну чего, пошли, что ли, в хату. Отметим твой удачный рывок.

* * *

– Для начала давай посмотрим, что стало с нашим научным комплексом, – сказал Кречетов. И подошел к стоящему у стены огромному агрегату с множеством небольших экранов.

– Пульт камер наблюдения, – пояснил ученый. – Во всех крупных лабораториях комплекса такой имеется. Здесь, в центральной автоклавной, тоже. Чисто на всякий случай.

– На такой, как сейчас, например, – сказал я.

– Главное теперь, чтобы не подвел аварийный генератор, – вздохнул Кречетов, включая агрегат.

Машина загудела, разогреваясь. Допотопный, конечно, механизм, наверняка не менялся с самого создания этого комплекса. Но, с другой стороны, зачем менять то, что исправно работает?

Экраны мерцали красным. Понятно. Во всем комплексе электричеству кранты, работает только аварийное освещение. Интересно, зачем бандиты вырубили основное? Впрочем, могли и по дурацки это сделать. Кто-нибудь кинул гранату за дверь распределительного щита, чисто глянуть, как полахнет, – ну и вот. С них станется.

Минут пять мы смотрели на красные экраны. Пару раз по некоторым из них пробежала какая-то тень, но в целом движения не наблюдалось.

Зато наблюдались трупы. Разрешение у экранов было не ахти, но понять, что к чему, позволяло.

По всему комплексу валялись трупы бойцов группировки «Воля». Некоторые в характерных костюмах, но многие вообще без одежды. Ясно, чего ж тут неясного. Ту броню, что поцелее, бандиты сняли с мертвых. Оставили лишь совсем негодную, порванную пулями до совершенно нетоварного состояния. Похоже, в ближайшие дни из-за перенасыщенности рынка у торговцев Зоны сильно упадут цены на зеленую экипировку «вольных».

– Пошли, что ли, – сказал я. – Чего тут сидеть, на экраны пялиться? Тем более что они все равно скоро потухнут – по ходу, сдыхает твой аварийный аккумулятор.

И правда, красный свет, льющийся с потолка, стремительно терял яркость. А агрегат с экранами вздохнул, словно живое существо, – и его экраны разом погасли.

– Пойдем, – кивнул Кречетов. – Автомат дашь?

– Не-а, – мотнул я головой. – За дверью подберешь. Не могли бандюки такую гору оружия вывезти. Я ж помню арсенал Захарова, там армию вооружить можно.

– Ты бандитов не знаешь, – хмуро проворчал Кречетов. – Эти найдут способ, как утащить все, что можно и что нельзя.

... Дверь изнутри была заблокирована механическим засовом наподобие корабельного. Кречетов крутанул штурвал, потянул на себя. Стальная бронеплита, подвешенная на толстых внутренних петлях, нехотя поддалась,

открыв доступ в коридор. С другой стороны она была закопченной до черноты и изрядно поцарапанной осколками. Видимо, очень хотелось бандитам проникнуть именно в эту автоклавную, но не вышло. Интересно – зачем им это было надо? Не похоже, чтоб в этом помещении, набитом приборами, было что-то очень ценное для ловцов удачи.

– Захаров их науськал, – словно прочитав мои мысли, сказал Кречетов. – Очень уж ты был ему нужен. Вот бы понять зачем...

– Может, ради выкупа, – пожал я плечами. – Почти все группировки Зоны за мою голову предложили нехилую награду.

– Не думаю, – покачал головой профессор. – Скорее, это из-за эксперимента.

– О котором ты ничего не знаешь, – уточнил я.

– Немногим больше твоего, – проворчал Кречетов. – Программа Захарова забросила тебя то ли в иное время, то ли в иное измерение, где, как я понимаю, в твое сознание закачали какую-то информацию. Но какую – я без понятия. Ты что-то помнишь?

– Смутно, – покачал я головой, которая так и не перестала болеть. – Как несвязный сон, который был давным-давно. Какая-то операционная. Люди в белых халатах. И девочка.

– Что за девочка?

– Понятия не имею, – пожал я плечами. – Я ж говорю – все как в тумане. Отрывочные картинки, в достоверности которых я уже и не уверен. Знаешь, как бывает: видел сон, проснувшись, пытаешься вспомнить – и по ходу дела уже сам додумываешь детали, которых, может, даже и не видел в том сне.

– Ясно, – сказал Кречетов, озираясь. – Замнем для ясности. Сейчас о другом думать надо.

Мы стояли в коридоре, залитом зловещим красным светом. Шагах в десяти от нас лежал труп, уткнувшись развороченной головой в лужу собственной крови.

Чуть подальше еще один мертвец сидел, прислонившись спиной к стене, будто отдохнуть решил. Руки трупа покоились на выпущенных из живота кишках, словно на подушке.

– Всегда поражался жестокости бандитов, – покачал головой Кречетов. – Вопрос один – зачем?

– А я уже давно не удивляюсь тому, что творят люди, – сказал я, направляясь к мертвецам. – Человек – самая жестокая на свете тварь, склонная осуждать других, при этом себя всегда считая идеалом доброты и порядочности. Сколько ты сам народа на тот свет отправил, не помнишь? И всегда убивал гуманно?

– Всяко было, – пожал плечами профессор. – Но я ж ради науки. Или для самозащиты.

– Бандиты этому «вольному» тоже живот вскрыли не без причины, – произнес я. – Скучно им в Зоне, вот и развлекаются на свой лад. И – заметь – при этом не считают себя сволочами, садистами и уродами.

Рядом с трупом лежал автомат Калашникова. Приклад АК был разбит пулей, магазин отсутствовал. Не оружие, короче. Думаю, и дальше будет то же самое – что более-менее годится в качестве хабара, бандиты по-любому уперли с собой. Поэтому я, передумав, протянул «Вихрь» Кречетову, а сам снял с плеча СВД. Для ближнего боя оружие не очень, но если увижу врага в длинном коридоре, успею снять прежде, чем он доберется до моего горла.

Но комплекс был совершенно безлюдным. Мы шли по направлению к складу, время от времени обходя мертвые тела. Резня тут была знатная. Кречетов даже разок поскользнулся и чуть не упал в кровавую лужу, залившую весь коридор от стены до стены.

Но чем ближе мы подходили к складу, тем явственнее до нас доносился какой-то шум. Вот уже и голоса можно различить, доносящиеся из-за поворота.

– Шевели поршнями, Хрип! Того и гляди «вольные» подрулят, и тогда нам всем трындец.

– Не мандражуй, пацан, – раздался хриплый голос, больше похожий на звериное рычание. – Два пулемета у входа – это тебе не хрен собачий. Встретит братва твоих «вольных», накормит маслинами по самые не хочу, если попробуют сунуться...

Я аккуратно выглянул из-за поворота коридора.

Ага, понятно.

Бандиты грузили хабар на большую металлическую телегу, в которую, вероятно, обслуга комплекса ранее собирала грязные простыни из операционных, а может просто вывозила мусор. На телеге уже было навалено прилично барахла – комбезов, оружия, коробок с консервами – но четверо «пацанов», облаченных в черные кожаные куртки, не прекращали своего занятия.

Ясно. После бойни основные силы группировки выдвинулись обратно к базе, оставив в захваченном научном комплексе команду мародеров с заданием собрать все, что имеет хоть малейшую ценность. А на входе их ждет транспорт и команда прикрытия с пулеметами на случай, если к комплексу подрулят «вольные», горя жаждой мести.

– И какой у тебя план? – прошептал мне в ухо Кречетов.

– Элементарный, – так же негромко отозвался я. – Тихо завалить их не получится даже из «Вихря» – до склада метров пятьдесят, а ходят эти грузчики парами. Одних завалим, вторые по любому заметят. Громко тоже нежелательно – охрана у выхода услышит выстрелы, прибежит. А против пулеметов в узком коридоре ловить нечего. Поэтому план такой...

И я вкратце изложил ученому свои соображения.

– Ну, давай попробуем, – пожал плечами Кречетов. После чего мы поменялись оружием.

Я засунул компактный «Вихрь» сзади за пояс, поднял руки, ощутив, как мне в затылок уперся ствол СВД, и вышел из-за поворота.

– Не стреляйте! – заорал Кречетов у меня из-за спины. – Я Снайпера поймал! За его голову вам целое состояние заплатят!

Грузчики, суевившиеся возле телеги, замерли на мгновение, после чего довольно сноровисто перевели оружие, болтающееся за их спинами, в боевое положение. Впрочем, увидев беспомощного меня с поднятыми руками, бандиты слегка расслабились и даже заухмылялись.

– По ходу, реально Снайпер, без базара, – сказал один из них, судя по командирскому голосу, старший группы. – Я его один раз видел, еще на нашей старой базе. А ты, который за ним кандехает, что за хрен с горы?

– Я профессор Кречетов, – отозвался мой конвоир. – Предлагаю обмен – Снайпера на академика Захарова, который находится у вас в плену. Плюс слово вашего командира, что вы больше не будете нападать на этот научный комплекс. Вещи со склада, так и быть, можете забрать себе.

Все это время я неторопливо шел вперед, Кречетов так же потихоньку двигался за мной. Услышав крики в коридоре, из глубин склада вышла вторая пара бандитов, присоединившись к первой.

После того, как профессор перестал орать, вся четверка заржала в голос.

– Ой, мля, ща сдохну! – давясь от хохота, взвыл один из «грузчиков». – «Нашего командира»... И хабар нам забрать разрешил... Ну ты отжег, яйцеголовый!

Внезапно старший группы, утерев рукавом выступившие слезы, прекратил истерический смех и рявкнул:

– Харэ гоготать! Захлопнули хавальники!

Бандиты послушно заткнулись.

– Это Снайпер, а не лошара какой-нибудь, – пояснил старший. – Ценный хабар. Але, профессор. Ну-ка стоять нах, не приближаться. Ща я свяжусь с Катаром, а вы, братва, пока держите этих двоих на мушке.

До бандитов, неторопливо поднимающих автоматы, оставалось метров двадцать. Честно говоря, я рассчитывал, что они будут ухохатываться и дальше, опустив в пол стволы. Но и сейчас я еще вполне успевал срезать их всех одной длинной очередью из «Вихря». О чем тихо и сказал:

– Слышь, профессор, ты ствол-то опусти. А то, когда я начну, как бы ты случайно на спуск не нажал.

– Стой как стоишь, Снайпер, – раздалось у меня из-за спины. – Мне понравилась твоя идея насчет обмена тебя на Захарова и научный комплекс. Если они согласятся, я тоже буду не против такой сделки.

Такого поворота я не ожидал тем более... Тот случай, когда твой план оказался слишком хорошо продуманным для того, чтобы заинтересовать не только бандитов, но и профессора, который всегда преследовал только свои интересы.

Эх, опять подвела меня моя дурацкая вера в то, что даже у самого последнего подонка могут остаться какие-то понятия о чести. В этом мире каждый человек давным-давно преследует только свои цели, и такой анахронизм, как порядочность, применяется людьми только тогда, когда она выгодна. И исключения из этого правила встречаются крайне редко.

А авторитетный бандит между тем достал из кармана мощную портативную армейскую рацию и, нажав на тангенту, оперативно доложил информацию кому-то, периодически кривясь от треска помех, неизбежных в Зоне.

Я же тем временем прокручивал в голове относительно недавние события, которые, помнится, описал в романе «Закон Охотника». Тогда я плотно пересекся с бандитами, подсобив Катару захватить базу на свалке и освободить брата. В благодарность Катар предложил мне стать «смотрящим» в группировке, но я отказался от столь сомнительной для меня награды, попросив взамен очень ценный приз. К чести нового главаря, он не отказал мне в просьбе, но я уверен, что мой отказ был воспринят как личное оскорбление. Теперь что по бандитским понятиям, что по законам Зоны Катар ничего не был мне должен, и ничто не мешало ему продать меня «боргам» или «вольным». Уверен, что и те и другие не забыли старые счета и дадут за меня очень хорошую цену.

Бандит же, окончив переговоры, сунул рацию обратно в карман и махнул рукой:

– Слышь, профессор! Годится твой расклад. Катар дает слово бригадира, что комплекс останется за тобой. Захарова тебе доставят на грузовике, который придет за последней партией хабара, – этот старый хрыч оказался совершенно беспонтовым и нахрен Катару не облокотился.

Бандиты снова заухмылялись, но, перехватив взгляд старшего, вновь стали очень серьезными. По ходу, осознали, что сделка нешуточная.

– Вот и отлично, – сказал Кречетов, доставая «Вихрь» у меня из-за пояса. Ловкий, зараза. Продолжая упирать мне в затылок длинный ствол СВД, это не так-то просто сделать. – Ловите ваш приз, граждане бандиты.

Я ощутил довольно сильный тычок в спину, после которого был вынужден сделать два шага вперед для того, чтобы не упасть лицом вниз.

А потом еще десять, глядя прямо в глаза старшему. Конечно, он мог сейчас высадить мне в живот очередь из своего автомата, но в то же время я знал – бандиты как никто в Зоне уважают силу. Дай я сейчас слабину, отведи взгляд, покажи хоть намеком, что боюсь, – и все. Забьют до бессознательного состояния, и к Катару привезут слабо вменяемое, окровавленное тело, связанное по рукам и ногам. Поэтому я сейчас медленно шел на ствол с поднятыми руками, криво ухмыляясь и не отводя внимательного, немигающего взгляда от лица командира группы. Я знал: когда смотришь на людей так называемым рассеянным зрением, насквозь, словно нет их вовсе, а ты рассматриваешь что-то, находящееся за ними, – тушуются они, не понимая, куда направлен твой взгляд. Особо нервные пытаются обернуться... либо просто жмут на спусковой крючок, чтоб не поддаться страху, который невольно закрадывается в их сердца.

Но старший бандит не нажал. Лишь отвел взгляд немного в сторону, и тихо сказал:

– Стой, Снайпер. Лучше тормозни. А то ж сам понимаешь...

Я остановился в трех шагах от среза ствола, черным глазком смотрящего мне в живот. И продолжал рассматривать пространство, находящееся за спиной бандита. Отличная эта штука – рассеянное зрение. И противника деморализует,

и видно, что его кореша делают – пусть расплывчато, но вполне достаточно для того, чтобы среагировать. И сам на всякой фигне не концентрируешься. Пофиг все становится. Бьешь и убиваешь словно не людей, а безликие тени, стоящие на твоём пути...

Бандит понял, что даже если он и высадит магазин мне в живот, это не гарантия того, что сам он останется в живых. Чуйкой ощутил, которая отлично тренируется как в Зоне, которая пишется с заглавной буквы, так и в той, что со строчной. Потому, поразмыслив секунду, сказал примирительно:

– Короче, сталкер, давай добазаримся. Ты уже расклад понял. Если ты рыпаться не будешь, мы доставим тебя к нашему бригадиру со всем уважением. Крючковать и прессовать не станем, но только с тебя сталкерское слово, что нам от тебя проблем не будет. Идет?

– Даю слово, – кивнул я.

Бандиты хором выдохнули. Видать, слышали о моем дурацком моральном кодексе, что если я чего пообещал, то выполняю. Много мне неудобств доставляет по жизни этот треклятый кодекс. При этом я уверен, что без него Кречетову и таким, как он, на свете живется намного проще, чем мне. Но ничего не могу с собой поделаться.

– Только ты перо у него отмети, – сказал один из бандитов, показав стволом на «Бритву», висящую у меня на поясе. – А то мало ли...

– Иди сам и отмети, – огрызнулся старший группы. – Я своими зенками видел, как Халк дотронулся до того пера – и откинул лапы. Высох враз, как мумия. Так что если ты такой штормовой – давай, отметай, флаг тебе в руки.

– Да не, это я так брякнул, не подумавши, – сразу сдулся бандит. – Не обессудь, старшой...

– Ладно, проехали, – скривился старший. – Короче, хватит лясы точить, пора хабар на базу везти. Благо он у нас сегодня знатный.

* * *

Анатолия никто не пригласил отмечать «удачный рывок». Часть бандитов во главе с Катаром и Бокорезом повернулись к парню спиной, словно он был пустым местом, и направились вглубь базы. Остальные, кому, видимо, не положено было праздновать с элитой столь знаменательное событие, рассосались кто куда.

Анатолий остался один перед распахнутыми воротами базы.

- Интересное кино, - пробормотал он себе под нос. - И чего теперь делать?

Как-то сама собой пришла мысль, что Бокорез просто им воспользовался в сложный для него момент, а когда надобность в парне отпала, просто забыл о нем, словно о ненужной вещи. Что ж теперь делать? Хоть прям снова садись в автозак и двигай на нем куда глаза глядят. Да только, скорее всего, вон те вооруженные типы в кожанках, что возле машины трутся, вряд ли дадут это сделать.

- Подвисаешь? - раздался голос за спиной.

Анатолий обернулся.

Позади него, сложив руки на груди, стояла та самая девушка, с которой он дрался минут пять назад. Без маски. Как ее там? Сокол?

- Размышляю, - мрачно отозвался Анатолий. - А ты чего вернулась-то? Почему не с ними?

- Потому, что я не с ними, - усмехнулась девушка. - Я сама по себе. А вернулась потому, что жалко тебя стало. Видно же, что ты в Зоне случайный пассажир. И если тебе не помочь, то если не сегодня, так завтра погибнешь не за хвост крысособачий.

Хотел Анатолий рыкнуть, мол, ни в чьей помощи он не нуждается, - но подумал немного и язык прикусил.

Потому что нуждался.

Права эта Сокол. Не зная местных обычаев, каким бы ты гордым и независимым ни был, без поддержки первое время не обойтись. Про эту самую Зону на Большой земле много слухов ходило, и самый распространенный из них тот, что выживают здесь единицы. А гибнут очень и очень многие. Очень похожий на правду слух, кстати.

– Пошли посмотрим машину, на которой вы приехали, – сказала Сокол и, не дожидаясь ответа, направилась к автозаку, на котором Бокорез и Анатолий прорвались в Зону. Парню ничего не оставалось, как последовать за ней.

Видимо, девушка пользовалась авторитетом среди бандитов. При ее приближении двое молодых парней с обрезам двустволок сделали вид, что автозак им совершенно неинтересен, после чего направились к бандитской базе.

Сокол же залезла в кабину, взяла автомат, что лежал между сиденьями, и протянула Анатолию.

– Бери. Это твоя доля хабара.

– Чего доля?

– Добычи, – поморщилась девушка. – Привыкай. В Зоне свой сленг. И не путай его с бандитской «блатной музыкой». Разные вещи.

– Понял, – кивнул Анатолий.

Осмотрев кабину, девушка вылезла наружу, обогнула автозак и подошла к задней части кузова. Мазнула взглядом по пулевым отверстиям в дверях, после чего легко запрыгнула внутрь. Анатолий тоже влез в крытый кузов, успевший пропитаться сладковатым запахом крови.

Вид мертвых тел девушку несколько не смутил. Она аккуратно обошла трупы, стараясь не наступать в подсохшие кровавые лужи, подняла с пола еще два автомата, осмотрела оружие.

– Годные стволы.

И тоже протянула их парню.

- Вторая часть твоей доли. И последняя. Автозак Бокорез себе заберет, это как пить дать, не зря его кореша рядом шатаются, следят, чтоб хабар не увели. А «калаши» - твои. За них он волну гнать не начнет, иначе это уже совсем беспредел будет с его стороны. Я ж вижу, что при вашем побеге ты отнюдь не балластом в кузове болтался.

- Откуда знаешь? - удивился Анатолий.

- Я в «Борге» следопытом была, - сказала девушка. - Да и сейчас по милицейской волне передали, что при попытке задержания беглых арестантов погибли четверо сотрудников. Из Пескаря стрелок примерно такой же, как из меня балерина, так что понятно, чьих это рук дело.

- Значит, не двое, а четверо, - вздохнул Анатолий. - Я не специально их убил. Случайно вышло.

- Что получилось - то получилось, - решительно отрезала девушка. - Сожалеть о содеянном будешь на скамье подсудимых, если на нее попадешь, конечно. А сейчас возьми себя в руки и постарайся просто выжить.

Парень кивнул. Чего уж тут, сделанного и правда не воротишь. Надо жить дальше.

- Пойдем, - сказала Сокол. - Теперь к Челюсти заглянем.

- К кому? - не понял Анатолий.

- К барыге местному, - пояснила девушка. - Не в милицейском же кителе тебе по бандитской крепости расхаживать. Не поймут и очень скоро обязательно предъявят.

- Что предъявят?

Девушка вздохнула.

– Да уж, с кем поведешься, от тех и наберешься. Вроде всего неделю с бандитами, а уже их «музыка» к языку прилипла. Неприятности у тебя будут из-за такой одежды. Так что пошли. И постарайся не задавать лишних вопросов, до ответов на которые сам дойти можешь. Ибо подбешивает.

– Похоронить бы надо, – кивнул Анатолий на мертвецов.

– Зона похоронит, – сказала Сокол. И, видя непонимающий взгляд парня, пояснила: – Ночью трупы вывезут на свалку вместе с остальным мусором и там сбросят.

– Это же люди, – поморщился Анатолий. – Как так можно?

– Хоронить бесполезно, – пожала плечами девушка. – Все равно ночью мутанты выкопают трупы и сожрут. Иногда сталкеры закапывают в землю что-то памятное, оставшееся от погибшего товарища, и над таким кенотафом ставят деревянный крест. Только в тех могилах нет никого. Зона сама хоронит своих мертвецов.

– Понятно, – проговорил Анатолий. После чего снял милицейский китель и накрыл им того, у кого его позаимствовал.

– Не обессудь, мужик, – прошептал он. – Так получилось. Не мы бы вас, так вы бы нас.

И вслед за Соколом выпрыгнул из автозака на землю.

– Совесть мучает? – спросила девушка. – Это хорошо, что мучает. Значит, она у тебя есть, в отличие от многих. Но лучше избавься от этого сомнительного хабара. Здесь, в Зоне, совестливые долго не живут.

Анатолий шел рядом с Соколом и про себя отметил, что ему приятно идти рядом с ней. У девушки был красивый голос, мягкие волосы и потрясающая уверенность в себе. Ее прямо-таки окружала аура силы, готовности драться со всем миром, если это потребуется. И Анатолий поневоле подзаряжался этой силой.

Сказки это, что любой здоровый, крепкий парень, попадая в незнакомую агрессивную среду, сразу адаптируется к ней, и сам черт ему не брат. Все боятся. Природой это заложено и называется инстинктом самосохранения. Просто некоторые умеют скрывать свой страх, глуша его яростью, накручивая себя до нужного состояния. Кто прошел армию или тюрьму, знает это не понаслышке. Конечно, можно бороться в одиночку, но всегда хорошо, если появляется тот, кто поможет в непростую минуту.

Сокол же, почувствовав брошенный искоса взгляд Анатолия, жестко произнесла:

– Только учти, Нокаут, или как там тебя еще. Не вздумай ко мне подкатывать. Это для тебя может закончиться очень плохо.

– Да у меня вообще-то девушка есть... – возмущенно начал было Анатолий... И осекся.

– Вот именно, – проговорила Сокол. – Нет у тебя больше никого, кроме себя самого. Ни девушки, ни семьи. И чем скорее ты это осознаешь, тем лучше для тебя.

– Уже осознал... наверное, – проговорил парень. – Слушай, хотел спросить. Как-то непривычно мне тебя Соколом звать. Может, можно по имени?

– Нельзя, – сверкнула глазами девушка. – Запомни – каждый, кто пересекает кордон, оставляет свое имя там, на Большой земле. Если к кому-то полезешь с таким вопросом, могут в челюсть двинуть или вообще пристрелить. Сочтут засланной крысой, которая собирает сведения о сталкерах. Мы здесь все вне закона, поэтому любой интерес к прошлому человека вызывает подозрение.

– Ясно, – кивнул Анатолий.

– Кстати, мы уже почти пришли, – сказала Сокол.

...Сбоку к бандитской крепости примыкала стальная будка, покрытая большими пятнами ржавчины. Анатолий сразу отметил, что сварена она из толстой броневой стали. Такую только из противотанковой пушки пробить получится, и то, наверно, не сразу.

У будки имелось окно со стальной створкой, которая сейчас была поднята кверху наподобие большого козырька. Само окно перегораживала решетка с толстыми стальными прутьями.

– Вот оно, логово Челюсти, – хмыкнула Сокол. – Сидит за своей решеткой, как паук в норе, ждет очередную жертву. Готовься, сейчас будет спектакль. И учись.

Когда парень с девушкой подошли к будке, внутри нее наметилось какое-то движение. Приглядевшись, Анатолий увидел внутри темного помещения крупного мужика в маске-балаклаве и кожаном плаще с капюшоном.

Мужик протер глаза, зевнул и уставился на посетителей.

– Мир твоей хате, Челюсть, – почтительно проговорила девушка.

– Чего приперлись? – проворчал барыга. – Есть хабар – будет базар, а нет хабара – валите, фраера.

– За фраеров и ответить можно, – ласково проговорила Сокол, поднимая автомат. – Защитит тебя от пули твоя решеточка?

– Сокол, ты, что ли? – воскликнул Челюсть. – Не обессудь, попутался малехо спросонья, не срисовал тебя с ходу. Чего притаранила, алюра моя золотая?

– Два ствола, – коротко, сквозь зубы бросила девушка.

– Плетки – это всегда в цвет! – улыбнулся торговец, сверкнув золотым зубом. – Давай заценим твой хабар, бриллиантовая моя.

Из-под окна с грохотом выдвинулся глубокий металлический ящик, куда девушка сложила оружие, – и тут же уехал обратно.

Торговец достал один автомат и ловко разобрал его. Анатолий отметил, что, отслужив в разведке, вряд ли справился бы лучше. То же самое Челюсть проделал и со вторым «калашом», после чего скривился, словно только что случайно проглотил жирную муху, залетевшую в рот.

– Не прими в ущерб, алюра моя, но игрометы голимые шо песец, – сказал он голосом врача, сообщающего родственникам о смерти пациента. – Древние, как вставные жевалки моей прабабушки, внутри все убито в хлам. Плюс по номерам вижу – они ж сто пудов ментовские, а значит, их, сама вкуриваешь, только на запчасти. Могу подкинуть тебе за оба ящик тушенки, но это только из уважухи...

– Здоров ты, Челюсть, метлой чесать, – задумчиво проговорила девушка. – По ходу, ты, душа твоя барыжная, во мне лошицу увидел. Знаешь, задолбал ты. Каждый раз одно и то же. Я ж не посмотрю, что ты с Катаром дружбу водишь. Пристрелю чисто из принципа, выплачу братве цену за твою голову и разойдусь с ними краями. Зато твой преемник точно будет знать, что разводить Сокола – себе дороже.

– Так бы с ходу и разложила, – недовольно буркнул торговец. – А я ж чо? Я ничо. Я по привычке рынкую, без этого какой навар? Номера я, понятное дело, спилю, а требуху в игрометах и похуже видали. Что хочешь за свой хабар, бриллиантовая моя?

Сокол кивнула в сторону Анатолия.

– Организуй пацану куртку по размеру с вшитыми бронепластинами, комбез «флору» и прыжковые берцы. Сотню «пятерки». Плюс две «эргэдэшки» и одну «эфку». И будем считать, что нормально побарыжили.

– Да ты побойся Зоны, Сокол! – взвыл Челюсть. – Это ж гоп-стоп средь бела дня! За два игромета...

– Я в курсе, почем нынче в Зоне «калаши», – перебила его девушка, – так что комедию ломай перед зелеными «отмычками». Но, так и быть, пойду тебе навстречу. Пусть будет шмот, полсотни патронов и одна «эфка».

– По рукам, – горестно вздохнул торговец. – Сильна ты рыновать, алюра моя. Может, пойдешь ко мне в подельники? Долю дам с наvara, целых десять процентов!

Сокол усмехнулась.

– Знаешь поговорку «сделал дело – пришей подела». Боюсь, что если мы вместе займемся бизнесом, то очень скоро или я тебя зарежу, или ты меня ночью сонную пристрелишь. Поэтому давай-ка лучше наши дела делать порознь.

– Как скажешь, золотая моя, – отозвался Челюсть. Потом смерил взглядом Анатолия и безошибочно выдал ему одежду по размеру – камуфлированную рубашку со штанами, берцы из мягкой и прочной кожи и тяжелую кожаную куртку с капюшоном, больше похожую на доспехи. Следом в лоток отправилась россыпь патронов и ребристая граната.

Пока Анатолий переодевался, Сокол тактично отвернулась, на что Челюсть хмыкнул, но что-то сказать не рискнул. Зато, когда парень, набив патронами пустой магазин, начал пересыпать остальные в карманы, не сдержал трагического стога:

– Да уж, неслабо побарыжили. Прокатила ты меня, Сокол, как последнего фраера...

– Ладно тебе, хорош причитать, – поморщилась девушка. – Скажи спасибо, что я к тебе клиента привела. Теперь будет к тебе хабар носить. Считай сегодняшнюю сделку твоей инвестицией в будущее.

– Чего? – опешил торговец – слово «инвестиция» было ему незнакомо. Но его вопрос остался без ответа – парень и девушка, развернувшись, уже уходили от его будки в сторону распахнутых ворот бандитской базы.

По пути Сокол рассказывала основы: как себя вести, зайдя в «хату», что можно говорить, что лучше не надо. С кем есть за одним столом, как ответить на резкое слово или глупую шутку, что такое «воровские понятия» – и многое, многое другое.

У Анатолия аж голова загудела от обилия информации. Но он понимал – без нее не выжить. А выжить теперь ему было просто необходимо. Потому что мысли у него немного пришли в порядок, и он осознал: люди, сломавшие ему жизнь, остались на свободе и продолжают себе ходить по ресторанам, развлекаться, безнаказанно совершать преступления, вытирая ноги о тех, кто слабее. Это было неправильно. Пусть теперь Анатолий сам преступник в глазах закона, но сейчас, именно сейчас у него вдруг появилась цель в жизни. Реальная. Настоящая. И

простая. Сделать так, чтобы те люди никому больше не смогли сломать жизнь так, как они сломали ее ему.

* * *

От озера Куписта до свалки было километров десять. Но бандиты, похоже, решили все двадцать намотать, объезжая загоризонтную РЛС, проблемные села и территорию, контролируемую наемниками. Понять ловцов удачи было можно: когда грузовик доверху набит хабаром, рисковать никому неохота.

Меня определили в кузов, выделив место на мешке с одеждой. Все, как и было обещано, с уважением. И, само собой, с бдительной охраной в виде пятерых бандитов с автоматами, которые они держали на коленях, как бы невзначай направив стволы в мою сторону.

Я про себя усмехнулся. Вот, небось, они сейчас своего старшего матерят мысленно! Это ж надо – не только не связал такого пленника, но и нож его легендарный ему оставил. А вдруг выхватит его легенда Зоны и бросится? И чего тогда с ним делать? Про то, что он может, куча слухов по Зоне ходит, причем один страшнее другого...

Все это было написано в глазах бандитов, словно в книге. Взгляды настороженные, страх в них плещется... И это плохо. Со страху кто-то из них может и на спуск нажать – вон у двоих особо боязливых пальцы как раз на них и лежат.

Чтоб не провоцировать сопровождающих, я откинулся на борт крытого грузовика, прикрыл глаза и расслабился. Отдых в Зоне штука редкая, как артефакт-уник. На зараженных землях постоянно куда-то бежать надо, то в атаку, то от кого-то, твердо решившего тебя пристрелить или сожрать. А тут делать абсолютно нечего. Сиди себе да жди окончания путешествия. Грех не воспользоваться возможностью и не расслабиться.

По моим расчетам, мы были где-то в районе Корогода, когда грузовик дернулся, взвыл двигателем – и встал намертво. Бандиты немедленно принялись материться, суетиться и стучать каблуками по полу кузова. По их воплям я понял, что машина въехала передним колесом в какую-то аномалию, и теперь

колесу звездеч. Но в моем случае это не был повод открывать глаза, ибо пленник не обязан решать проблемы пленивших.

Побеспокоить меня никто не рискнул, поэтому, пока бандиты меняли колесо, я даже успел вздремнуть и проснулся, лишь когда машина вновь тронулась с места.

– Ну и нервы у тебя, Снайпер, – покачал головой тот бандит, что сидел ко мне ближе всех. Станный тип. По его мнению, мне, наверно, тоже надо было вскакивать со своего места и, матерясь, носиться туда-сюда по машине, выясняя, чего это мы стоим, а потом вместе со всеми сношать мозги водиле, который, мать его, не умеет правильно домкратить грузовик и быстро крутить гайки.

Я не ответил, лишь зевнул и приготовился снова отрубиться, ибо покачивание и тряска машины на грунтовке меня несколько не раздражали, а, скорее, убаюкивали, как вдруг справа и слева от меня раздалась отрывистая трескотня.

В следующее мгновение мне в лицо брызнули мозги того бандита, который только что восхищался моими нервами, при этом сам я уже падал на пол грузовика, потому что мои рефлексy практически всегда опережают мысли.

Впрочем, размышлять в этой ситуации было не о чем. Кто-то прострочил машину несколькими длинными очередями, в результате чего моя охрана теперь валялась на полу в лужах собственной крови. А мне в очередной раз повезло – тот бандит, которого восхитила моя нервная система, остановил своей головой пулю, которая летела мне прямо в лицо. Хорошо, когда рядом есть люди, головы которых могут тебе пригодиться. Как и тела, между которыми я уже полз к заднему борту грузовика, по пути прихватив ближайший автомат. Очевидно, что вооруженные люди, напавшие на грузовик, не захотят оставлять свидетелей своего деяния, и мне совершенно не улыбалось составить компанию пятерым мертвым бандитам.

Хотя нет, четверым.

Один из бандюков пошевелился, посмотрел на меня и приложил палец к губам. Тихо, мол. Ишь ты, какой сообразительный! А я как раз собирался спеть в голос что-нибудь для поднятия настроения.

Две очереди еще раз простучали кузов, после чего чей-то зычный голос заорал снаружи:

– Парни, хорош, мля! Весь хабар перепортите нах! Эй, есть кто живой в кузове? Выходи без оружия. Не тронем, вы нам нахрен не уперлись. Выметайтесь и валите нах.

Пока голосистый снаружи обещал нам столь прелестные перспективы, я пытался понять, сколько бойцов снаружи. Судя по строчкам пулевых отверстий в тенте грузовика, не меньше четырех. Но может быть и больше. Понятное дело, если мы сейчас выйдем, тут же нас и прикончат. Поэтому выходить надо было правильно.

Я прихватил второй автомат и заметил, что выживший бандит сделал то же самое. Это правильно. Когда начнется, менять магазины будет некогда. А еще мне понравилось, как этот выживший двигался. Полз правильно, не отклячивая зад кверху, а главное, все делал спокойно, без паники. И, кстати, заслышав стрельбу, упал так же, как и я, раньше, чем понял, что происходит. Такие рефлексы никакими тренировками не наработать. Это значит, что бандит из бывалых, повоевавший немало и научившийся выживать в боевой обстановке.

Когда мы оба оказались возле заднего борта, я жестом показал: мой сектор слева, твой справа. Бандит кивнул – понял, мол.

А обладатель зычного голоса продолжал орать:

– Короче, считаю до трех. Не выхо?дите – не обессудьте. Раз. Два...

Но на счет «два» я уже выпрыгнул из кузова, приземлился на ноги, перекатился, уходя от возможных выстрелов, и длинной очередью перечеркнул пять ростовых фигур, замерших слева от меня. Неудобное это занятие, когда в руках не один, а два автомата, но с такого расстояния промахнуться сложно, а слово «удобство» вообще неприменимо к сталкерам, у которых вся жизнь неудобная, словно старые ботинки, постоянно натирающие ноги до кровавых мозолей.

Фигуры оказались шустрыми и готовыми к чему-то подобному. Отреагировали все, начав было поливать свинцом то место, где я был полсекунды назад – но

трое тут же прекратили это занятие, поймав тушками мою ответку. Поэтому проблемы для меня принялись создавать двое оставшихся, которые успели рухнуть на землю – и, естественно, открыть огонь по шустрой цели, метнувшейся за придорожный камень.

Укрытие было так себе – мне за шиворот немедленно посыпалась каменная крошка, выбитая из него пулями. Но я не открывал ответный огонь, скорчившись за небольшим укрытием.

Я считал выстрелы.

Невидимые противники палили по камню азартно, надеясь меня задеть, и, когда я дернусь от боли и высунусь, добить. С двух пулеметов такое вполне возможно. Но из автоматов – не рекомендуется.

Потому что в автоматных магазинах быстро заканчиваются патроны.

Парни были опытные и это знали. Их бойкая хоровая стрельба вдруг стала одиночной – пока напарник менял магазин, второй заставлял меня по-прежнему вжиматься в камень.

Но один – это не двое.

Подобравшись, словно пружина, я метнулся из-за своего укрытия, полоснув очередью по тому месту, откуда слышалась стрельба. И когда враг, не ожидавший такого поворота, услышал свист пуль над макушкой и вжался в землю, я бросил пустой автомат и из полностью снаряженного разнес обоим стрелкам головы.

Все.

Это в книгах описание подобных скоротечных перестрелок занимает целые страницы. В жизни же все происходит от силы за полминуты. Тридцать ударов сердца – и осознаешь, что твое еще бьется. А у тех, кто пытался тебя убить, уже нет. То есть на моем счете еще минус два. Простая и скучная арифметика войны, в которой нет места эмоциям. Посмотрел, как вытекает кровь вперемешку с мозгами из черепов, раскроенных твоими пулями, убедился, что никто не

выстрелит тебе в спину, – значит, можно повернуться на сто восемьдесят и посмотреть, что стало с твоим случайным боевым товарищем и с теми, в кого он стрелял...

С последними, кстати, было все в порядке, не зря я отметил боевую выучку бандита. По правую сторону от грузовика лежали четыре трупа.

А вот с самим бандитом было не очень.

Он сидел, прислонившись к колесу и зажимая правой рукой левую выше локтя. Но получалось у него это неважно – меж пальцами раненого обильно текла кровь. Была б третья рука, он бы еще наверняка и за лицо держался. Пуля жутко разорвала его щеку от верхней губы до мочки уха – под полуоторванным куском мяса были видны окровавленные зубы.

– Главное, что живой, – сказал я, подходя ближе. – Остальное приложится. Жгут где?

Бандит показал глазами на карман правой руки. Понятно, почему сам не перетянул раненую конечность. Потому что она не двигалась и достать ею что-то из правого кармана было проблематично.

– Вот поэтому я всегда ношу два жгута, – сказал я, извлекая пакет из кармана бандитской куртки. После чего разорвал целлофан и несколькими привычными движениями перетянул руку выше раны.

Аптечку я забрал у одного из мертвецов. Годная, кстати, аптечка оказалась. Армейская, синяя. А вот сам мертвец оказался «зеленым». В смысле, бойцом группировки «Воля», которые по жизни носят комбезы лягушачьего цвета.

Кстати, если подумать, интересная тема сейчас произошла. Насколько я знаю, «вольные» не конфликтовали с бандитами, во всяком случае, в последнее время. Теперь, значит, все поменялось. Что логично. То есть каким-то образом «зеленые» узнали, кто напал на их охранную роту в научном центре на озере Куписта. И очень оперативно начали мстить.

Обо всем этом я размышлял, оказывая раненому первую помощь. Загнал ему три укола – с противостолбнячной сывороткой, мощным антибиотиком и обезболивающим, после чего сказал:

– Морду могу зашить, но хирург из меня неважный. Скорее всего, потом будет выглядеть как старый штопанный валенок.

– Просто... перевяжи... – с трудом проговорил бандит. – И... отвези на нашу базу... Там есть тот, кто... годно зашьет...

Я невольно скрипнул зубами. Дилемма, однако. Бандиты взяли меня в плен – пусть и уважительно, но тем не менее. И теперь, когда я полностью свободен, один из моих конвоиров предлагает мне добровольно отвезти себя в вражье логово.

Поняв мои колебания, бандит предложил альтернативу:

– Если не хочешь... лучше пристрели... Я пойму.

Когда он говорил, полуоторванная щека жутко шевелилась, и кровь из нее начинала течь сильнее.

– Ты лучше заткнись, – посоветовал я, доставая из аптечки стерильную салфетку и бинт. – Сейчас тебе рожу бинтовать буду.

– Если че... я Рома Слесарь...

Для меня не был секретом бандитский язык, который принято называть «блатной музыкой», и я был в курсе, кому обычно дают такое «погоняло».

– Воровать нехорошо, – сказал я, выдавливая левомеколь на салфетку. – Особенно со взломом.

Бандит ухмыльнулся и сразу же застонал от боли. Но справился с собой и проговорил:

– Да не... Я не скокарь... Я в натуре до Зоны... слесарем был...

– Трогательная история, – сказал я. – А теперь закройся, дыши носом и мордой не дергай, чтоб улыбку себе еще круче не подправить.

После чего туго перетянул раненому нижнюю часть лица.

Я уже понимал, что до Болотника я Слесаря не довезу – слишком много тот крови потерял, да и не проедет грузовик по трясине. А волочь парня на себе в таком состоянии – так это проще сразу утопить, чтоб он не мучился.

Не, можно было, конечно, сделать так, как он предложил. Пристрелить, чтоб избавить от страданий, – или просто уйти, дабы потом совесть чуток поменьше свербил. Хотя бросить его здесь, среди трупов, это еще хуже. Скоро начнет смеркаться, а ночью из своих нор повылезут мутанты, большинство из которых любят свежатинку больше, чем мертвечину. А значит, будут есть живого, не спеша отгрызая от него куски мяса – куда торопиться, если обескровленный человек способен лишь стонать от боли и мысленно проклинать того, кто обрек его на такую страшную смерть.

В общем, не мог я бросить здесь того, с кем вместе принял скоротечный бой. Долга Жизни меж нами не было, он так же спас мою жизнь, как и я его. Но у меня имелся мой идиотский моральный кодекс, который постоянно мешает мне принимать жестокие правильные решения.

А еще у меня была веская причина поговорить с Индусом. Я искренне надеялся, что он уже оправился от своих ран и снова взял в свои руки бразды правления бандитской группировкой. Характер у него, конечно, крутой, но, думаю, он не забыл, как я однажды спас его в тюрьме. И у меня присутствовала надежда, что я смогу с ним договориться.

Закончив с перевязкой, я подошел к кабине грузовика, в которой не увидел ничего неожиданного. Лобовое стекло, изрешеченное пулями, и два трупа, которые я и выволок наружу.

Кожаная одежда имеет свойство не впитывать кровь. Одному из бандитов автоматная очередь превратила голову в кашу, не задев туловище, поэтому подкладка кожаной куртки была сухая. Стащив ее с трупа, я подкладкой вытер с сидушек кровавые лужи и смахнул с подголовников кусочки мозгового вещества.

Так себе чистка салона, конечно, но для наших задач сойдет. Вдобавок я содрал с трупов более-менее чистый шмот, который бросил на сиденье – чисто чтоб штаны впитавшейся кровью не пропитались, пока доедем. После чего выбрал более-менее приличный автомат, сунул меж сиденьями кабины четыре полных магазина и затащил в нее Слесаря, который к тому времени благополучно потерял сознание. Непростое это дело, кстати, заволакивать в грузовик восьмидесятикилограммовое безвольное тело, но я справился, удивляясь про себя на тему, зачем мне это нужно.

Но, как бы там ни было, вдосталь напыхтевшись и наматерившись, с задачей я справился, после чего завел грузовик и поехал по направлению к бандитской базе – благо она была уже недалеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

События, описанные в романе Дмитрия Силлова «Закон лесника» литературной серии «СТАЛКЕР».

2

События, описанные в романе Дмитрия Силлова «Закон Охотника» литературной серии «СТАЛКЕР».

Купить: https://tellnovel.com/ru/sillov_dmitriy/zakon-bandita

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)